

A 180
709

кн. 1. 74

A 180
709

БІБЛІОТЕКА

НАШИХЪ
ДѢТЕЙ

758

В. ТОПЕЛІУСЪ

1928

Избранные сказк

КНИГА ПЕРВАЯ

Изданіе
О. Н. Поповой.

Учен. Хозит. М. Ж. Л. допущено въ ученич. библіот. начальн. 6.11

Изд. 2-е

1912

T 58

БИБЛИОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕЙ,
основанная Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ

фб

~~T-58~~ ~~A 278~~
~~725~~

A 180
729
З. Топелюсъ

[N74] $\frac{CP}{T 58}$

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ

КНИЖКА ПЕРВАЯ

Переводъ М. Благовѣщенской

СЪ РИСУНКАМИ

1. и 2. е.

Жемчужина Адальмины
Милосердый — богатъ
Береза и звѣздочка

Малиновыи червякъ
Чти отца твоего и мать твою
Даръ морского царя

БИБЛИОТЕКА
Государствен. музея
ДЕТСКИЯ КНИГИ

4578

Издательство О. Н. Поповой

С.-Петербургъ

1913

945-18301

8556856

30417-42.
ПОДАШЕНО

1963.009

2007082499

Жемчужина Адальмины.

Жили-были король съ королевой; у нихъ была маленькая дочка; ее, какъ и всѣхъ королевскихъ дочерей, звали принцессой. Она была единственнымъ ребенкомъ своихъ родителей; имя ей дали Адальмина. Король съ королевой безпредѣльно любили маленькую принцессу и боготворили ее, а это нехорошо, потому что больше всего и всѣхъ на свѣтѣ надо любить Бога.

На крестинахъ принцессы Адальмины присутствовали двѣ феи—розовая и голубая, которыя были приглашены въ качествѣ крестныхъ

матерей, — ужъ таковъ обычай у сказочныхъ королевъ. Обѣ феи не забыли сдѣлать подарки маленькой принцессѣ по случаю ея крестинъ. Розовая фея подарила ей большую жемчужину несравненной красоты, какую еще никто никогда не видывалъ; при жемчужинѣ было еще три дара.

— Знайте, — сказала розовая фея: — пока Адальмина будетъ носить на себѣ эту жемчужину, до тѣхъ поръ она будетъ становиться съ каждымъ днемъ все прекраснѣе, все богаче, все умнѣе; но если она потеряетъ свою жемчужину, то она потеряетъ съ нею и все три дара: красоту, богатство и умъ. Эти три дара вернутся къ ней только въ томъ случаѣ, если она снова найдетъ свою жемчужину.

Вотъ каковъ былъ даръ розовой феи!

Голубая фея сказала:

— Адальмина получила такіе прекрасные дары, что многіе не пожелали бы ничего лучшаго. Однако есть еще одинъ даръ, который несравненно выше всѣхъ этихъ трехъ, и я даю его Адальминѣ, но съ однимъ условіемъ. Пока принцесса обладаетъ своей жемчужиной, а слѣдовательно и тремя дарами розовой феи, до тѣхъ поръ мой даръ не будетъ имѣть никакой силы.

Но какъ только она теряетъ свою жемчужину, а вмѣстѣ съ нею красоту, богатство и умъ, то она получить отъ меня взамѣнъ четвертый даръ—доброе и смиренное сердце.

Вотъ что подарила принцессѣ голубая фея! Кивнувъ головой на прощанье, обѣ феи исчезли, какъ два бѣлыхъ облачка въ синевѣ небесъ.

Король и королева очень обрадовались. Они подумали про себя: „лишь бы наша маленькая принцесса была прекрасна, богата и умна; а что касается до ея сердца, то это не имѣетъ значенія. Мы будемъ беречь ея жемчужину, а тогда она можетъ отлично обойтись безъ бѣднаго дара голубой феи. Да, розовая фея лучше поняла, что необходимо принцессѣ. Она сдѣлала царскіе подарки, тогда какъ голубая фея, надо признаться, очень поскупи-лась; она бросила нашей дорогой дѣвчкѣ подачку, совѣтъ какъ бросаютъ мѣдную монету нищенкѣ на большой дорогѣ“.

Король велѣлъ сдѣлать золотую корону по головѣ маленькой Адальмины. Корона эта была устроена такъ, что по мѣрѣ того, какъ голова Адальмины становилась больше, расширялась и корона. Вмѣстѣ съ тѣмъ у короны была

еще одна особенность: на всякую другую голову она не годилась, оказывалась или слишком большой, или слишком узкой. Впереди посрединѣ короны въ высокій зубецъ была вставлена жемчужина Адальмины, и это было сдѣлано такъ тщательно, что жемчужина никакъ не могла вывалиться изъ короны.

Корону приготовили, надѣли на голову Адальмины, и съ тѣхъ поръ она не снимала ее никогда: ни ночью, засыпая въ своей золоченой колыбелькѣ, ни днемъ, рѣзвясь и бѣгая по замку. Но такъ какъ король и королева очень боялись, чтобы маленькая принцесса не потеряла свою жемчужину, то они строго-настрого запретили свитѣ маленькой Адальмины пускать ее за высокую изгородь, отдѣлявшую дворцовый садъ отъ парка. И несмотря на это за ней неотступно повсюду слѣдовали четыре камеръ-лакея и четыре камеръ-юнгферы, а кромѣ того всѣмъ слугамъ было отдано строгое приказаніе слѣдить за принцессой и за ея жемчужиной. Никто не смѣлъ ослушаться этого приказанія, потому что страшный палачъ въ красномъ плащѣ и съ сѣкирой въ рукахъ шутить не любилъ.

Между тѣмъ маленькая принцесса выросла,

и исполнилось все то, что предсказала розовая фея. Адальмина стала самой прекрасной принцессой изъ всѣхъ принцессъ, когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ. Да, она была такъ прекрасна, такъ прекрасна, что глазки ея сіяли, какъ двѣ ясныя звѣзды въ весенній вечеръ; и куда бы она ни пошла, вокругъ нея распространялось сіяніе, какъ отъ солнечныхъ лучей. Въ саду всѣ цвѣты склонялись передъ нею и говорили:—Ты прекраснѣе насъ!—Что касается до богатства, то она была окружена одними сокровищами. Полъ въ ея комнатѣ былъ изъ серебра и перламутра; стѣны были изъ громадныхъ зеркалъ, а потолокъ изъ золота, усыпанный брилліантами:—какъ онъ сверкалъ при вечернемъ освѣщеніи! Адальмина ѣла на золотѣ, спала на золотѣ и одѣвалась въ золото; да если бы это было только возможно, то она ѣла бы золото, но такая пища была ей не по зубамъ. Ну, а ужъ умна она была такъ, что и сказать нельзя: она отгадывала самыя трудныя загадки, и помнила самыя длинныя уроки, только разъ прочитывая ихъ. Со всѣхъ сторонъ королевства собирались мудрецы и задавали принцессѣ вопросы, и всѣ они увѣряли, что никогда еще не бывало на свѣтѣ

такой умной принцессы, да никогда и не будетъ.

Ну, хорошо. Ни въ красотѣ, ни въ богатствѣ, ни въ умѣ нѣтъ грѣха, лишь бы умѣть пользоваться этими дарами Божиими, но въ этомъ-то все и дѣло. Король и королева, ослѣпленные любовью къ дочери, думали, что принцесса Адальмина самое совершенное существо на свѣтѣ; но хуже всего было то, что и Адальмина сама начала думать то же самое. Такъ какъ всѣ окружающіе постоянно твердили ей, что она въ тысячу разъ прекраснѣе, богаче и умнѣе всѣхъ другихъ людей, то она охотно повѣрила этому и стала гордой; она смотрѣла на всѣхъ, даже на своихъ родителей, свысока.

Бѣдная Адальмина! Какое это было безобразное пятно на ея несравненной красотѣ; оно дѣлало ее бѣдной при всемъ ея богатствѣ, оно было величайшимъ безразсудствомъ при всемъ ея умѣ, чуть не погубившимъ ее окончательно.

Чѣмъ старше она становилась, тѣмъ больше ею овладѣвала гордость; а гордость порождаетъ самые ужасные недостатки, такъ что Адальмина стала злой, жестокосердной, жадной и завистливой. Если ей попадался на глаза прекрасный

цвѣтокъ въ саду, то она сейчасъ же срывала его и растаптывала погами; потому что она не терпѣла, чтобы кто-нибудь, кромѣ нея, былъ прекрасенъ. Если она встрѣчала другую принцессу, ѣхавшую въ золотой каретѣ, то ее охватывала невыразимая досада, потому что богатой и знатной, но ея мнѣнію, могла быть только она одна. А если при ней хвалили какую-нибудь другую дѣвушку и говорили, что она мила и умна, то Адальмина плакала отъ злобы и зависти, потому что никто, кромѣ нея, не имѣлъ права быть умной. Адальмина бранила также всѣхъ, кто не льстилъ ей, и дѣлала все, что только приходило ей въ голову; но въ то же время она презирала тѣхъ, кто больше всего покорялся ея волѣ. Она сдѣлалась тираномъ, котораго всѣ боялись и никто не любилъ; только король съ королевой одни во всемъ королевствѣ не замѣчали ея недостатковъ и ея гордости.

Однажды, когда принцессѣ исполнилось уже пятнадцать лѣтъ, она вышла погулять по дворцовому саду. Она подошла къ калиткѣ и хотѣла выйти въ паркъ, но оказалось, что калитка была заперта, а отпереть ее никто не соглашался, такъ какъ это значило ослушаться

строгаго приказанія короля. По обыкновенію за Адальминой слѣдовали четыре камеръ-юнгферы и четыре камеръ-лакея; въ первый разъ отказывались они повиноваться приказанію принцессы. Тогда Адальмину охватила злоба, такая злоба, что блескъ ея красоты совершенно померкъ. Она прибила по лицу своихъ вѣрныхъ слугъ, перелѣзла черезъ изгородь и, видя, что слуги слѣдуютъ за ней, побѣжала въ глубину парка и бѣжала до тѣхъ поръ, пока не потеряла изъ виду среди густыхъ деревьевъ преслѣдовавшихъ ее слугъ.

И вотъ въ первый разъ въ жизни Адальмина почувствовала усталость и жажду и опустилась на траву у ручейка, чтобы отдохнуть. Своей бѣленькой ручкой принцесса зачерпнула немного студеной воды изъ ручейка и выпила нѣсколько глотковъ, какъ это дѣлаютъ простые смертные, которымъ никто не предлагаетъ съ низкими поклонами стакавъ воды на серебряномъ подносѣ. Въ ту минуту, какъ она наклонилась къ ручью, она вдругъ увидала въ прозрачной водѣ свое отраженіе.

— Ахъ, какъ я прекрасна!—воскликнула она громко, и при этомъ она наклонила свою голову еще больше къ водѣ, чтобы хорошенько

полюбоваться собою; вдругъ раздался плескъ, — золотая корона упала съ головы Адальмины и исчезла въ глубокомъ и быстромъ ручейкѣ.

Адальмина не обратила на это вниманія, — такъ она была увлечена созерцаи́емъ своей красоты. Но что же? Какъ только вода въ ручьѣ успокоилась, Адальмина увидала на зеркальной поверхности совсѣмъ другой образъ. Не было больше прекрасной принцессы въ платьѣ, расшитомъ золотомъ, съ драгоценными камнями въ волосахъ и со сверкающими алмазами въ серьгахъ; она увидѣла передъ собою жалкую, безобразную и бѣдную нищенку съ непокрытой головой, босую, въ лохмотьяхъ и со вклокоченными волосами. Въ одинъ мигъ исчезъ вдругъ и умъ Адальмины: она стала глупенькой и простой, какъ будто бы никогда ничему не училась. Но самое страшное было то, что она вдругъ все позабыла: она не знала, кто она, откуда она пришла, и куда ей надо идти. Она только смутно сознавала, что случилась какая-то большая перемѣна, и это сознаніе такъ испугало ее, что она бросилась бѣжать отъ ручья. Она бѣжала все дальше и дальше, въ самую глубь лѣса, не отдавая себѣ отчета, куда бѣжить.

Наступилъ вечеръ, стало темно и въ лѣсу раздался вой волковъ. Адальмину охватилъ ужась, она побѣжала впередъ, все впередъ, пока не увидала свѣтъ, мерцавшій вдали между деревьями. Она пошла ближе на свѣтъ и увидала маленькую избушку; въ избушкѣ жила бѣдная старушка.

— Ахъ ты, бѣдняжка,—сказала старушка, когда Адальмина вошла въ избушку,—откуда ты пришла такъ поздно вечеромъ?

Адальмина ничего не могла отвѣтить на ея вопросъ. Она не знала даже, кто она и гдѣ живутъ ея родители. Это очень удивило старушку, но она сжалилась надъ несчастной дѣвушкой и сказала:

— Разъ ты такъ бѣдна и такъ одинока на бѣломъ свѣтѣ, то останься у меня. Миѣ какъ-разъ теперь нужна дѣвочка пасти въ лѣсу моихъ козъ. Ты можешь взяться за это дѣло, мое дитя, если только ты добрая и ласковая, и если ты будешь довольствоваться хлѣбомъ и водой; по праздникамъ ты получишь немного козьего молока.

Адальмина очень обрадовалась предложению доброй старушки и съ глубокой благодарностью поцѣловала ея руку. Случилось то, что предсказала голубая фея, и случилось это

такъ, что сама Адальмина не замѣтила этого. Адальмина получила даръ, который былъ несравненно выше красоты, ума и богатства, — доброе и смиренное сердце. Она пасла въ лѣсу козъ, ѣла сухой хлѣбъ и спала на жесткой постели изъ соломы и мха, но она была теперь гораздо счастливѣе. Да и сама она стала гораздо лучше, чѣмъ прежде, потому что доброе, смиренное сердце приносить съ собой много прекрасныхъ даровъ: чистую совѣсть, невзыскательность, миръ и душевный покой, доброту и любовь, которые никогда и нигдѣ не покидаютъ человѣка съ добрымъ сердцемъ. И куда бы Адальмина ни пошла, вокругъ нея словно распространялось солнечное сіяніе; но сіяніе это исходило не отъ ея прекрасной внѣшности, какъ прежде, а отъ ея прекрасной души; добрые люди всегда озаряютъ все вокругъ себя тихимъ свѣтомъ, точно ангелы, которые опускаются на землю и осѣняютъ людей своими большими бѣлыми крыльями.

Между тѣмъ во дворцѣ короля поднялась невообразимая тревога, когда разнесся слухъ объ исчезновеніи принцессы. Какая польза была отъ того, что несчастныхъ камеръ-юнг-

феръ и полупомѣшанныхъ отъ страха камеръ-лакеевъ, сопровождавшихъ принцессу во время ея злополучной прогулки, бросили въ темное подземелье, куда не проникалъ ни единый лучъ солнца или луны, и у дверей поставили краснаго палача съ безобразной бородой, съ сѣкирой въ рукахъ. Принцессу нигдѣ не могли найти. Горе короля и королевы было безпредѣльно; они приказали всемъ своимъ подданнымъ во всемъ королевствѣ одѣться въ трауръ. Кромѣ того король велѣлъ объявить во всехъ церквахъ, что тотъ, кто найдетъ принцессу, получить ся руку, если только этого пожелаетъ, а въ придачу еще полкоролевства. Какъ извѣстно, въ тѣ времена существовалъ такой обычай.

Награда была хорошая, и много принцевъ, а также благородныхъ рыцарей очень желали се заслужить. Три года они разъѣзжали по бѣлу свѣту и все искали, все искали зиму и лѣто, но никому изъ нихъ не удалось найти хотя бы золотого каблучка отъ туфельки Адальмины. Но вотъ случилось, наконецъ, однажды, что молодой и храбрый принцъ Сигизмундъ Французскій во время своихъ по-
исковъ очутился у избушки, гдѣ старушка

пріютила Адалмину. Старушка была въ траурномъ платьѣ,—правда, платье было не очень-то нарядное, но во всякомъ случаѣ оно было черное; даже козы, которыя паслись на пригоркѣ въ лѣсу, были черныя.

— По комъ вы носите трауръ, бабушка?—спросилъ принцъ.

— Король приказалъ, чтобы всѣ носили трауръ по пропавшей принцессѣ,—отвѣтила старушка:—но ужъ особенно жалѣть-то ее нечего. Правда, она была прекрасна, богата и умна, но люди говорятъ, что сердце у нея было гордое, а это очень дурно, и никто не могъ ее терпѣть.

Въ эту минуту Адалмина вернулась изъ лѣсу со своими козами. Принцъ посмотрѣлъ на нее и удивился, почему эта некрасивая и бѣдная дѣвушка такъ ему нравится, что онъ уже готовъ полюбить ее, только-что увидавъ. Онъ спросилъ ее, не видала ли она принцессы.

— Нѣтъ,—отвѣтила Адалмина.

— Какъ странно, — сказалъ принцъ: — три долгихъ года я постоянно думалъ о моей милой принцессѣ; но теперь у меня нѣтъ больше желанія продолжать свои поиски. Теперь я построю себѣ здѣсь въ лѣсу замокъ и поселюсь въ немъ навсегда.

Сказано — сдѣлано. Принцъ построилъ въ лѣсу замокъ, и построилъ онъ его у самаго ручья, гдѣ съ Адальминой когда-то случилось превращеніе. Въ одинъ прекрасный, очень жаркій день принцъ почувствовалъ жажду и склонился къ ручью, чтобы напиться.

— Что это такъ дивно сверкаетъ на днѣ? — сказалъ онъ самому себѣ. — Посмотримъ.

Принцъ наклонился еще ниже, сунулъ руку въ воду и вынулъ изъ ручья золотую корону съ большой необыкновенно-прекрасной жемчужиной. И вдругъ у него промелькнуло въ головѣ: „А что если это — корона Адальмины!“ И онъ пошелъ съ короной въ королевскій дворецъ.

Только-что король и королева успѣли взглянуть на корону, какъ оба воскликнули въ одинъ голосъ:

— Корона Адальмины! Корона Адальмины! Ахъ, но гдѣ же она сама, гдѣ наша прекрасная, милая маленькая принцесса?

Король высчиталъ, что если бы принцесса была жива, то ей исполнилось бы теперь восемнадцать лѣтъ. Онъ вспомнилъ пророчество розовой феи и догадался, что случилось именно то, что она предсказывала. А потому онъ

снова приказалъ объявить во всѣхъ церквахъ, чтобы всѣ дѣвушки въ королевствѣ, которымъ минуло восемнадцать лѣтъ, собрались у него во дворцѣ и примѣрили бы корону. Та дѣвушка, которой корона придется по головѣ, будетъ признана за пропавшую принцессу, а принцъ Сигизмундъ Французскій получитъ ея руку.

Понятно, что всѣ восемнадцатилѣтнія дѣвушки поспѣшили исполнить приказаніе короля; мало того: даже дѣвушки, которымъ не было еще восемнадцати лѣтъ или было больше,—и тѣ, какъ будто забывъ про это, тоже явились во дворецъ. Былъ прекрасный лѣтній день; на дворѣ замка стояли длинными рядами тысячи дѣвушекъ, которыя пришли попытать счастья. Съ ранняго утра и до поздняго вечера корона переходила съ одной головы на другую, но ни одной изъ дѣвушекъ она не была впору. Подъ конецъ всѣ дѣвушки начали роптать; онѣ говорили:

— Король просто смѣется надъ нами; пусть лучше бросятъ жребій,—та, которая вытянетъ жребій, получитъ корону и будетъ женой принца.

Но это советъ не понравилось принцу Сигизмунду, и онъ попросилъ подождать до тѣхъ поръ, пока не зайдетъ солнце.

— Ну, такъ и быть,—сказали дѣвушки.

Незадолго до заката солнца поставили сторожа смотрѣть на большую дорогу, чтобы онъ заблаговременно извѣстить, если издали увидитъ какую-нибудь дѣвушку, направляющуюся во дворецъ.

Принцъ закричалъ:

— Сторожъ, вечеръ близится къ концу, не видишь ли ты кого-нибудь на дорогѣ?

Сторожъ отвѣтилъ:

— Я вижу—цвѣты склоняютъ свои головки ко сну, потому что близится ночь. Но на дорогѣ я никого не вижу, никого.

Снова принцъ спросилъ:

— Вечеръ на исходѣ; сторожъ, не видишь ли ты кого-нибудь на дорогѣ?

Сторожъ отвѣтилъ:

— На заходящее солнце надвинулось облачко, и птички въ лѣсу прячутъ свои головки подъ крылышки, потому что онѣ устали за день. Ночь совсѣмъ близка, но я не вижу никого на дорогѣ, никого.

Еще разъ принцъ спросилъ:

— Вечеръ кончился; сторожъ, не видишь ли ты кого-нибудь на дорогѣ?

Сторожъ отвѣтилъ:

— Я вижу облачко пыли далеко у опушки
лѣса. Оно приближается; вотъ я вижу на до-
рогѣ бѣдную пастушку. она гонитъ передъ со-
бой стадо козъ.

— Примѣримъ корону на голову пастуш-
ки,—сказалъ принцъ.

Остальныя дѣвушки, которыя считали себя го-
раздо благороднѣе бѣдной пастушки, закрича-
ли: — Нѣтъ, нѣтъ! — Но король приказалъ
привести пастушку. И что же? Когда на голову
пастушки надѣли корону, то оказалось, что
она пришлась ей какъ разъ впору.

Въ то же мгновеніе зашло солнце и стало
темно, такъ что нельзя было какъ слѣдуетъ
разглядѣть пастушку. Принцъ Сигизмундъ
подумалъ: „Господу Богу угодно, чтобы я
взялъ себѣ въ жены бѣдную пастушку, и я
это сдѣлаю, потому что я видѣлъ эту дѣвушку
у старушки въ лѣсу и знаю, что всюду, гдѣ
бы она ни появлялась, вокругъ нея распростра-
няется солнечное сіяніе“.

И весь народъ, собравшійся у дворца, за-
кричалъ:

— Да здравствуетъ принцъ Сигизмундъ и
принцесса Адальмина!

Однако при этомъ многіе подумали про себя:

— Какая же она принцесса, это — просто бѣдная пастушка.

Но вотъ пастушку съ короной на головѣ повели въ большой залъ, освѣщенный тысячью восковыхъ свѣчей. Несравненно ослѣпительнѣе, чѣмъ все свѣчи, сіяла своей неподобной красотой сама принцесса Адальмина, стоя среди всѣхъ собравшихся въ великолѣпномъ золотомъ нарядѣ. Какъ только она получила обратно свою жемчужину, къ ней тотчасъ же возвратились и остальные дары розовой феи. Но лучше всего было то, что она сохранила въ то же время и дары голубой феи: она сохранила доброе и смиренное сердце. А такъ какъ къ ней вернулась также и ея память, то она вспомнила, какъ жестока была раньше, и какъ она превратилась въ бѣдную пастушку; и она поняла, что бѣдные и некрасивые люди, у которыхъ совѣсть спокойна, гораздо счастливѣе богатыхъ и прекрасныхъ, гордыхъ людей. Она упала на колѣни передъ своими родителями и просила ихъ и всѣхъ другихъ простить ей все, въ чемъ она провинилась передъ ними, когда была ослѣплена гордостью. А въ доказательство того, насколько ея сердце перемѣнилось, она

привела изъ лѣса бѣдную старушку, обняла ее при всѣхъ и сказала:

— Милосердый—богатъ при всей своей бѣдности, а богатый съ жестокимъ сердцемъ терпитъ нужду и горе при всѣхъ своихъ сокровищахъ.

Всѣ присутствовавшіе не вѣрили своимъ глазамъ. А принцъ Сигизмундъ сказалъ:

— Такъ и должно было случиться. Жемчужина Адальмины прекрасна, но еще прекраснѣе смиренное сердце.

Свадьбу Адальмины отпраздновали во дворцѣ большимъ пиромъ, на которомъ всѣ веселились и радовались. Четырехъ камеръ-юнгферъ и четырехъ камеръ-лакеевъ на радостяхъ выпустили изъ темницы, а красивый палачъ съ безобразной бородой поставилъ свою сѣкиру въ уголъ. Повсюду во всемъ королевствѣ народъ кричалъ:

— Прекрасна жемчужина Адальмины, но еще прекраснѣе ея доброе и смиренное сердце!

Милосердый—богатъ.

По одну сторону озера была расположена большая деревня, а на противоположномъ берегу стояла маленькая избушка. Озеро было покрыто льдомъ, и надъ нимъ кружился снѣгъ въ видѣ бѣлаго облака; стояла зима и приближался рождественскій сочельникъ.

— Хозяинъ,—спросила своего мужа жена самого богатаго крестьянина въ деревнѣ:— ты положишь на крышу ржаной снопъ для воробьевъ по случаю Рождества?

— Я недостаточно богатъ, — отвѣтилъ старикъ.

— Но вѣдь мы такъ дѣлали каждое Рождество, и это приносить съ собой благословеніе.

— Я недостаточно богатъ, — проворчалъ еще разъ старикъ.

— А вотъ тамъ напротивъ, я вижу, на крышу выложили снопы ржи, а тотъ хозяинъ очень бѣдный: онъ не сѣетъ и десятой доли того, что ты сѣешь на своихъ поляхъ.

— Не болтай вздора, — сказалъ съ досадою старикъ. — Я и такъ много народу долженъ прокормить; не могу я бросать зря добро на кормъ бездушнымъ птицамъ.

— Правда, — вздохнула старуха, — зерно добро Божіе, но вѣдь и воробьи — созданія Божіи.

— Пеки-ка лучше хлѣбъ, да присмотри за тѣмъ, чтобы ветчина не подсохла. Какое намъ дѣло до воробьевъ? — ворчалъ старикъ.

Сказано — сдѣлано. Въ богатомъ крестьянскомъ дворѣ стали готовиться къ приему гостей, не жалѣя для этого ничего. А голодные воробушки летали во вьюгу надъ избой и напрасно некали чего-нибудь поѣсть.

Въ бѣдной избушкѣ, на другой сторонѣ озера, было какъ-разъ наоборотъ: въ избѣ царила нужда, но зато на крышѣ воробьямъ приготовили бо-

гатое угощеніе. Надъ крышей порхали цѣлыя стаи воробьевъ и другихъ птицъ и съ веселымъ щебтаньемъ и чириканьемъ клевали ржаныя зерна. Дѣти бѣднаго крестьянина отъ всего сердца радовались, глядя на милыхъ птичекъ, слушая ихъ веселое чириканье и любуясь на слѣды птичьихъ лапокъ по бѣлому снѣгу.

— Если бы мы вымолотили тотъ снопъ ржи и не отдали бы его воробьямъ, то у насъ былъ бы свѣжій хлѣбъ къ Рождеству для дѣтей, — со вздохомъ сказала жена бѣднаго крестьянина.

— Развѣ ты не знаешь, что милосердый всегда богатъ?—отвѣтилъ добрый старый крестьянинъ, ласково взглянувъ на жену.

— Что за смыслъ отдавать птицамъ нашу послѣдній кусокъ хлѣба! — сказала опять со вздохомъ старуха.

— Что же изъ этого, если бы мы послѣдній кусокъ отдали даже лѣснымъ звѣрямъ?—возразилъ старикъ.—Но успокойся, я прикупилъ немного денегъ, и мы можемъ къ сочельнику купить себѣ четыре свѣжихъ хлѣба и крынку молока; пошли дѣтей съ санками въ деревню за покупками, къ вечеру они успѣютъ вернуться домой.

— А что если имъ встрѣтятся волки? — замѣтила старуха.

— Ничего, — сказалъ старикъ: — я дамъ Даниэлю здоровую палку, онъ справится съ волками.

И вотъ маленькій Даниэль пошелъ со своей сестрой Аншой въ большую деревню, чтобы купить хлѣба и молока. Вьюга нанесла на озеръ большіе сугробы, и когда дѣти возвращались домой со своими покупками, то они съ трудомъ тащили за собой санки; къ тому же начинало уже смеркаться. Они еле-еле пробирались по сугробамъ, ежеминутно проваливаясь въ глубокій снѣгъ, но снѣгъ все валилъ, сугробы росли, тьма сгущалась, а до дому было еще далеко.

Вдругъ во тьмѣ передъ ними что-то зашевелилось. Когда они подошли ближе, то увидѣли волка.

— Не бойся, — сказалъ Даниэль своей сестрѣ: — у меня здоровая палка.

И при этихъ словахъ онъ угрожающе замахнулся палкой на волка.

Волкъ подошелъ къ дѣтямъ, но не причинилъ имъ никакого зла. Онъ только завылъ,

и вой этотъ странно походилъ на слова, такъ что дѣти его поняли:

— Ахъ, какъ холодно, какъ холодно,—сказалъ волкъ:—а моимъ волчатамъ ѣсть нечего. Дайте мнѣ немного хлѣба, ради Христа!

— Хорошо,—сказала Анна:—мы дадимъ тебѣ два свѣжихъ хлѣба, а сами будемъ ѣсть сегодня вечеромъ черствый хлѣбъ. Отцу и матери останется по свѣжему хлѣбу.

— Спасибо вамъ,—сказалъ волкъ и побрелъ своей дорогой съ двумя свѣжими хлѣбами. Дѣти стали пробираться дальше черезъ сугробы, но скоро они услышали, какъ кто-то тяжело ступаетъ за ними по глубокому снѣгу. На этотъ разъ это оказался медвѣдь.

Медвѣдь рычалъ что-то по-своему, и дѣти долго не могли понять его, но наконецъ они

разобрали, что медвѣдь также просить рождественскаго подарка.

— Ахъ, какъ холодно, какъ холодно, — рычалъ медвѣдь. — Всѣ ручки замерзли, и моимъ бѣднымъ медвѣжатамъ нечего пить. Дайте мнѣ немного молока, ради Христа!

— Это еще что такое? — удивился Даниэль. — Почему ты не спишь въ своей берлогѣ, какъ другіе медвѣди? А впрочемъ, это твое дѣло. Мы дадимъ тебѣ половину нашего молока. Анна и я напьемся сегодня вечеромъ воды, а отецъ съ матерью пусть полакомятся молокомъ въ рождественскій сочельникъ.

— Спасибо вамъ, — сказалъ медвѣдь и взялъ молоко, которое ему отлили въ берестяной буракъ. И онъ исчезъ во мракѣ, величественно переваливаясь на заднихъ лапахъ, а передними захвативъ буракъ съ молокомъ. Теперь дѣти бодрѣе пробирались впередъ по сугробамъ, такъ какъ видѣлся уже свѣтъ очага въ окнѣ ихъ избушки. Вдругъ они услышали какой-то странный шумъ падъ головы; они посмотрѣли вверхъ и увидали безобразную сову, которая хлопала крыльями и летѣла за ними.

— Я хочу хлѣба и молока! Я хочу хлѣба

и молока!—кричала сова, растопыривая свои острые когти, чтобы вцѣпиться ими въ дѣтей.

— А, такъ ты вотъ какая, — сказалъ Даниэль: — подожди, я выучу тебя быть по-вѣжливѣе. — И съ этими словами онъ ловко ударилъ сову палкой по крыльямъ, и та съ крикомъ улетѣла отъ дѣтей.

Вскорѣ послѣ этого дѣти добрались до дому. Они стряхнули съ себя снѣгъ въ сѣняхъ и вошли въ избу.

— Мы накормили волка! — крикнула Анна.

— И напоили медвѣдя, — прибавилъ Даниэль.

— А сову мы угостили палкой!—со смѣхомъ сказала Анна.

И они рассказали родителямъ свои приключенія. Родители переглянулись. „Что бы это могло значить“, подумали они: „наши дѣти милосерды даже къ лѣснымъ звѣрямъ?“

Наступилъ вечеръ, и обитатели бѣдной пизбушки сѣли читать Святое Писаніе. Тамъ они прочли прекрасныя слова о милосердіи ко всѣмъ малымъ, даже къ врагамъ и къ звѣрямъ. Они прочли также, что только тотъ даръ цѣненъ, который данъ отъ добраго сердца.

Когда обитатели избушки кончили читать Святое Писаніе, они помолились Богу и съѣли за скромную трапезу; у нихъ было только то, что привезли дѣти изъ деревни. Дѣти же сказали, что будутъ ѣсть черствый хлѣбъ и запивать его водою, и оставили родителямъ лучшую часть. Родители не согласились и съ радостью подѣлились съ дѣтьми двумя свѣжими хлѣбами и полкрынкой молока, которое было для нихъ большимъ лакомствомъ.

Въ то время, какъ они ѣли, они замѣтили нѣчто очень страшное. Они отламывали отъ хлѣбовъ куски одинъ за другимъ, а хлѣбы не уменьшались; они отливали изъ крынки одну кружку за другой, а молока оставалось въ крынкѣ все столько же. Только-что они выразили свое удивленіе по этому поводу, какъ услышали, что кто-то царапается въ маленькое окошечко. И что же? У окошка стояли волкъ и медвѣдь, положивъ переднія лапы на подоконникъ. Оба звѣря лукаво ухмылялись и ласково кивали головами въ знакъ благодарности.

Тогда старикъ, старуха и дѣти поняли, что Богъ благословилъ тотъ маленькій запасъ пищи, который у нихъ былъ. И они горячо возблагодарили Бога.

На слѣдующее утро, когда они возвратились домой отъ ранней обѣди, предполагая, что дома у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ черстваго хлѣба и ведра воды, они нашли, къ своему великому удивленію, два хлѣба и полкрышки молока, — совершенно свѣжіе, какъ и наканунѣ. И такъ это продолжалось и дальше. Пока стояла избушка, и пока въ ней жили добрые люди, у нихъ всегда неизмѣнно было два свѣжихъ хлѣба и полкрышки молока, и ни то, ни другое никогда не уменьшалось. А веселое чирканье воробьевъ привлекало каждое лѣто солнечные лучи на маленькое поле бѣднаго крестьянина, такъ что урожай на этомъ полѣ былъ всегда самъ-двадцать и самъ-пятьдесятъ, когда на другихъ поляхъ почти ничего не родилось. И въ бѣдной избушкѣ царили довольство, трудъ, благочестіе и милосердіе.

А богатый крестьянинъ обѣлся жирной встчиной въ рождественскій сочельникъ, и ему стало нехорошо. Чтобы подбодриться, онъ сталъ пить пиво, но отъ этого онъ почувствовалъ себя еще хуже. Солнце уже не освѣщало весело его обширныя поля, и они стали давать плохіе урожан, а закрома его часто стояли пустыми.

— Это оттого, что мы слишком много отдаемъ бѣднымъ,—сказалъ онъ.—Мы недостаточно богаты, жена, мы недостаточно богаты; гони всѣхъ нищихъ!

Такъ они и дѣлали, и все-таки закрома стояли пустые.

— Мы ѣдимъ слишкомъ много,—рѣшилъ старикъ, и они стали ѣсть только разъ въ день, но и это не помогло. Волки и медвѣди рѣзали его лошадей, коровъ и барановъ; въ глаза ему смотрѣла нищета, и старикъ не могъ взять въ толкъ, какъ это могло случиться, разъ все у него въ хозяйствѣ было устроено такъ разумно.

— Нѣтъ, мы ѣдимъ слишкомъ много и слишкомъ хорошо,—сказалъ онъ однажды.

— Надо печь хлѣбъ съ примѣсью словыхъ шишекъ, а супъ варить изъ брусничной зелени. Но, говорю тебѣ, жена, не давай ничего ни животнымъ, ни нищимъ! Мы недостаточно богаты для того, чтобы быть милосердными.

— Я пойду въ ту бѣдную избушку на другой сторонѣ озера,—сказала старуха:—и спрошу у хозяевъ, отчего это происходитъ, что у нихъ всегда есть хлѣбъ, тогда какъ мы терпимъ нужду.

— Пойди, спроси,—сказалъ старикъ.—Я увѣренъ, что это оттого, что они бережливыѣ насъ.

Старуха отправилась на другой берегъ озера и вернулась со слѣдующимъ отвѣтомъ: „люди въ маленькой избушкѣ отдавали свой послѣдній хлѣбъ бѣднымъ, и никогда не терпѣли нужды, ибо Господь благословлялъ ихъ и воздавалъ имъ сторицею“.

— Странно,—сказалъ старикъ.—Вотъ возьми нашъ послѣдній хлѣбъ и брось его бездѣльникамъ-нищимъ на большой дорогѣ, да скажи имъ, чтобы они убирались на всѣ четыре стороны.

— Нѣтъ,—сказала старуха:—этого мало. Если давать, то надо давать отъ добраго сердца.

— Неужели? — удивился старикъ. — Ну, хорошо, дай отъ добраго сердца, но только съ условіемъ: пусть Богъ воздастъ намъ за это сторицею. Мы недостаточно богаты для того, чтобы раздавать наше добро даромъ.

— Надо давать безъ всякихъ условій,—сказала старуха.

— Что? Нельзя даже разсчитывать на благодарность?

— Неблагодарность встрѣчается часто, но все-таки надо давать.

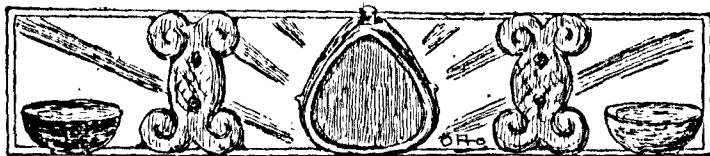

— Нѣтъ, это удивительно,—сказалъ старикъ, съ сомнѣніемъ покачивая головой. — У кого же хватитъ на это средствъ?

Старуха сказала:

— Царь Давидъ въ одномъ изъ своихъ псалмовъ говоритъ: я былъ молодъ и состарился, и никогда я еще не видалъ, чтобы праведникъ оставался покинутымъ въ одиночествѣ, а его дѣти оставались безъ хлѣба.

— Послушай, жена,—сказалъ старикъ:—на гумнѣ лежитъ снопокъ немолоченой ржи. Прибережемъ его къ Рождеству для воробьевъ. Начнемъ съ нихъ.

Береза и звѣздочка.

Я знаю еще одну сказку изъ давно прошедшаго времени о мальчикѣ и дѣвочкѣ, которые всю жизнь стремились къ одной единственной цѣли. Многіе ли изъ насъ могутъ сказать то же самое о себѣ?

Около ста семидесяти лѣтъ тому назадъ въ Финляндіи было большое несчастіе: повсюду бушевала опустошительная война; горѣли села и города, уничтожались посѣвы, а люди гибли сотнями тысячъ отъ меча, голода, отъ ужасныхъ болѣзней, или же бѣжали изъ родной

страны. Слышны были лишь вздохи, стоны, жалобы, плачь; куда ни посмотришь — вездѣ слезы, печаль, кровь и разореніе. Даже тѣ, которые во что бы то ни стало хотѣли надѣяться, теряли всякую надежду и мужество. Вичъ Божій прошелъ по всей странѣ, и тѣ страшныя времена никто никогда не забудетъ. Къ безчисленнымъ несчастіямъ прибавилось еще одно: многія семьи разсѣивались, потому что однихъ уводили въ плѣнъ, другіе бѣжали въ лѣса, въ пустыни или далеко въ Швецію, такъ что жена ничего не знала о своемъ мужѣ, братъ о своей сестрѣ, мать и отецъ не имѣли вѣстей о своихъ дѣтяхъ и не знали, живы они или умерли. Поэтому, когда наконецъ былъ заключенъ миръ и тѣ, кто остались въ живыхъ, вернулись на родину, почти не было человѣка, который не оплакивалъ бы кого-нибудь изъ своихъ близкихъ. Какъ въ сказкѣ молодая жена Синей Бороды посылаетъ свою сестру на банню, откуда видна была далеко дорога, и постоянно спрашиваетъ ее: „Анна, сестра моя, не видѣется ли кто-нибудь на дорогѣ?“ — такъ же спрашивали многіе, когда въ домѣ было пусто, одиноко и когда долго не имѣли извѣстій о своихъ близкихъ: „не видѣется ли

кто-нибудь на дорогѣ?“—И почти всеѣ получали въ отвѣтъ: „нѣтъ, никого не вижу“.

Но иногда случалось, какъ и въ сказкѣ „Синяя Борода“, что далеко на дорогѣ подымалось облачко пыли: облачко все росло, приближалось, и наконецъ показывалась кучка бѣглецовъ, возвращавшихся на родину... Тогда глаза отцовъ и матерей жадно искали между ними своихъ дѣтей, и если они ихъ находили послѣ многихъ лѣтъ разлуки, то наступала такая радость, какъ будто бы никогда не было горя; поспѣшно строились избышки, заѣживались поля, и послѣ пережитого страданія и горя наступала счастливая пора.

Во время этой долгой войны были уведены въ плѣнъ маленькіе мальчикъ и дѣвочка; ихъ увезли далеко въ чужую землю, гдѣ они нашли добрыхъ, хорошихъ людей, которые позаботились о нихъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и дѣти выросли. Хотя они жили очень хорошо и никогда не терпѣли нужды, но тѣмъ не менѣе они не могли забыть своихъ родителей и свою родину. Съ ними было то же, что съ плѣнцами евреями въ Вавилонѣ, которые повѣсили свои арфы на нвы и не могли ни пѣть, ни играть, ни веселиться въ чужой стра-

нѣ, потому что сердцемъ они были въ Іерусалимѣ.

Когда прошелъ слухъ, что въ Финляндіи насталь миръ и что всякій, кто имѣлъ возможность или желаніе, могъ веригуться туда, дѣтямъ стало тяжело жить на чужбинѣ, и они попросили, чтобы ихъ отпустили на родину. Люди, пріютившіе ихъ, улыбнулись и сказали:

— На родину! Глупыя дѣти, развѣ вы не знаете, какъ это далеко? Вѣдь до вашего дома болѣе ста миль!

— Намъ все равно, — отвѣтили дѣти: — только бы вернутъся на родину.

— Но развѣ вамъ не хорошо у насъ? Тутъ у васъ все есть въ изобиліи: хорошіе фрукты, молоко, теплая одежда, красивыя комнаты и хорошіе люди, отъ всего сердца любящіе васъ. Чего вы еще хотите?

— Это правда, — сказали дѣти: — но мы хотимъ домой.

— На вашей родинѣ сплыная пужда. Вы будете жить тамъ въ большой бѣдности и терпѣть холодъ и голодъ. Вмѣсто теплой постели вамъ придется спать на мху, подъ крышей изъ хвороста и вѣтвей; вѣтеръ и холодъ будутъ вашими постоянными спутниками; вмѣсто

хлѣба вамъ придется питаться корою деревьевъ. Ваши родители, братья, сестры, друзья давно уже умерли; вы будете искать ихъ, но найдете лишь слѣды волковъ по сугробамъ тамъ, гдѣ раньше стоялъ вашъ домъ.

— Можетъ быть, — отвѣтили дѣти: — но мы хотимъ домой.

— Но вѣдь десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ васъ увезли оттуда. Вы были совсемъ маленькіе, ничего не понимали: мальчику было тогда пять лѣтъ, а дѣвочкѣ — четыре. Теперь вамъ — одному пятнадцать, другому — четырнадцать лѣтъ, и вы такъ мало знаете жизнь. Вы все забыли: и дорогу на родину, и даже родителей; по всей вѣроятности, и они забыли васъ.

— Такъ что же, — сказали дѣти: — а мы все-таки хотимъ идти на родину.

— Кто же вамъ покажетъ дорогу туда?

— Богъ, — отвѣтилъ мальчикъ. — Кромѣ того, я помню, что на дворѣ моихъ родителей стоитъ большая береза; на ней поютъ маленькія птички по утрамъ, когда восходитъ солнце.

— А я помню, — сказала дѣвочка: — что по вечерамъ сквозь листву березы свѣтитъ яркая звѣздочка.

— Глушья дѣти,—возразили имъ чужіе люди: — то, о чемъ вы просите, невозможно и безсмысленно.

И они запретили дѣтямъ даже думать объ этомъ. Но чѣмъ больше они запрещали, тѣмъ сильнѣе дѣти думали все объ одномъ и томъ же; и не потому, что они были нехорошія, непослушныя дѣти, а потому, что желаніе вернуться къ себѣ на родину было въ нихъ слишкомъ сильно и непреодолимо.

Однажды, въ свѣтлую лунную ночь, мальчикъ не могъ заснуть отъ разныхъ мыслей, и онъ спросилъ сестру:

— Ты спишь?

Она отвѣтила:

— Нѣтъ, не могу я спать, потому что все думаю о нашемъ домѣ.

— Вотъ и мнѣ также не спится,—сказалъ мальчикъ.—Пойдемъ, свяжемъ всѣ наши вещи въ узелъ и бѣжимъ отсюда. Мнѣ кажется, что Богъ безпрестанно твердить въ моемъ сердцѣ: „Иди домой! Иди на родину!“ А то, что Богъ велитъ, не можетъ быть нехорошо.

— Да,—отвѣтила сестра.

И они тихоюшко ушли.

Стояла чудная ночь; луна обливала своимъ

ровнымъ яркимъ свѣтомъ дороги и тропинки. Они шли нѣкоторое время молча; наконецъ дѣвочка сказала:

— Знаешь, милый братъ, я такъ боюсь, что мы не найдемъ дороги домой.

Братъ отвѣтилъ:

— Мы все будемъ идти на сѣверо-западъ, гдѣ солнце закатывается въ серединѣ лѣта. Тамъ наша родина. А когда мы увидимъ березу на дворѣ и яркую звѣздочку, свѣтящуюся сквозь листву, тогда это будетъ значить, что мы нашли свой домъ.

Черезъ нѣсколько времени сестра опять сказала:

— Братъ, я ужасно боюсь, что дикіе звѣри или разбойники нападутъ на насъ.

Братъ отвѣтилъ:

— Богъ защититъ насъ. Ты еще помнишь молитву, которую мы выучили дома, когда были совсемъ маленькими:

„Куда бы я ни пошелъ на землѣ,
Судьба моя въ рукахъ Божьихъ“.

— Да,—согласилась дѣвочка,—и Богъ пошлетъ намъ своихъ ангеловъ, чтобы они охраняли насъ въ чужой странѣ.

Они безъ страха пошли дальше впередъ.

Мальчикъ вырѣзалъ себѣ изъ дуба хорошую толстую палку, чтобы защищать себя и свою сестру. Но никакой бѣды съ ними не случилось.

Однажды они пришли къ перекрестку, гдѣ расходились двѣ широкия одинаковыя дороги, и дѣти не знали, которую изъ нихъ выбрать. Вдругъ на дорогѣ, которая шла влѣво, заплѣли двѣ маленькія птички.

— Пойдемъ,—сказалъ братъ:—вотъ наша дорога, я слышу это по щебетанію птичекъ.

— Да,—сказала сестра:—наши птички не простыя: это Божьи ангелы превратились въ птичекъ, чтобы указывать намъ дорогу домой.

Они пошли дальше, а птички перелетали съ вѣтки на вѣтку впереди нихъ, но не очень скоро, чтобы дѣти могли поспѣвать за ними. Дѣти ѣли лѣсные фрукты, ягоды, пили чистую ключевую воду, а ночью спали на мягкомъ душистомъ мху. Имъ казалось непонятнымъ и страннымъ то, что, куда бы они ни пришли днемъ, они всегда находили себѣ пищу, и, гдѣ бы они ни останавливались вечеромъ, всегда можно было переночевать. Они никакъ не могли объяснить себѣ этого; но каждый разъ, когда дѣти видѣли птичекъ, они говорили:

— Божьи ангелы указываютъ намъ путь!
И такъ они шли все дальше и дальше впередъ...

Наконецъ дѣвочка устала и сказала брату:

— Когда же мы начнемъ искать нашу березу?

Мальчикъ отвѣтилъ:

— Только тогда, когда народъ вокругъ насъ заговоритъ на томъ языкѣ, на которомъ говорили наши родители.

И они шли все впередъ на сѣверо-западъ. Лѣто подходило къ концу, и въ лѣсу становилось холодно. Дѣвочка спросила:

— Не видна ли еще наша береза?

— Нѣтъ еще,—отвѣтилъ мальчикъ.

Страна, по которой они теперь шли, имѣла совѣтъ другой видъ. До сихъ поръ они проходили большими равнинами, а теперь пришли въ страну, покрытую горами, холмами; вездѣ извивались снѣга рѣки и серебрились озера.

— Какъ мы переберемся черезъ эти высокія горы?—спросила дѣвочка.

Мальчикъ отвѣтилъ:

— Я перенесу тебя.

И онъ перенесъ ее. Опять дѣвочка спросила:

— Какъ мы переправимся черезъ быстрыя рѣки и большія озера?

— Мы будемъ грести.

И онъ гребъ черезъ рѣки и озера, потому что у береговъ, къ которымъ они приходили, всегда стояла лодка, какъ будто нарочно для нихъ приготовленная. А нѣкоторыя рѣки мальчикъ переплывалъ вмѣстѣ съ сестрой. И они легко, какъ водяныя птицы, плыли по поверхности воды, потому что ангелы, въ образѣ птичекъ, летѣли съ ними рядомъ и оберегали ихъ.

Однажды они съ ранняго утра шли цѣлый день безъ отдыха и сильно устали. Вечеромъ они пришли къ уединенному домику, который, видно, только-что былъ выстроенъ на мѣстѣ, гдѣ раньше былъ пожаръ. На дворѣ стоялъ ребенокъ и чистилъ рѣпу.

— Дай намъ одну рѣпу, — попросилъ мальчикъ.

— Хорошо, войдите, мать васъ накормитъ въ избѣ.

Мальчикъ весело захопалъ въ ладоши, услышавъ отвѣтъ, крѣпко обнялъ ребенка и заплакалъ отъ радости.

— Чему ты радуешься? — спросила сестра.

— Какъ мнѣ не радоваться? Вѣдь этотъ

ребенокъ говорить на языкѣ нашихъ родителей. Теперь мы можемъ начать искать березу и звѣздочку.

Потомъ они вошли въ избу, гдѣ ихъ очень хорошо приняли и спросили, откуда они.

Мальчикъ сказалъ:

— Мы пришли изъ чужой страны и ищемъ свой домъ, но мы знаемъ только одну примѣту: во дворѣ растетъ береза, на ней поютъ птички, когда встаетъ солнце, а по вечерамъ сквозь ея листву свѣтитъ яркая звѣздочка.

— Бѣдныя дѣти, — сочувственно сказали имъ хозяева: — на землѣ растутъ тысячи березъ, а на небѣ свѣтятъ тысячи звѣздъ. Ноужели вы думаете, что среди множества березъ и звѣздъ вы найдете свою березу и свою звѣздочку?

Мальчикъ и дѣвочка отвѣтили:

— Богъ укажетъ намъ путь. Его ангелы привели насъ сюда изъ дальнихъ-дальнихъ чужихъ странъ. Мы вѣдь почти уже дома.

— Финляндія такъ велика, — замѣтили хозяева и покачали головой.

— Да, но Богъ еще больше, — сказалъ мальчикъ, поблагодарилъ хозяевъ и пошелъ съ сестрой дальше.

Имъ уже не приходилось ѣсть и спать

въ лѣсу: теперь они шли отъ одного двора къ другому, и хотя разстоянія были громадныя, а нужда и голодъ царили повсюду, но добрые люди вездѣ жалѣли ихъ, давали имъ пріютъ на ночь и хлѣбъ на обѣдъ. Но березу и звѣздочку они все еще не могли найти. Вездѣ, гдѣ они останавливались на ночлегъ, росли березы, а на небѣ блестѣли звѣзды, но это все было не то.

— Ахъ,—вздыхала дѣвочка:—Финляндія такая большая, а мы съ тобою такіе маленькіе и слабые! Мы никогда не найдемъ дома!

Но мальчикъ укорялъ ее и говорилъ:

— Ты вѣришь въ Бога? Ты вѣдь знаешь, что были чудеса еще большія, чѣмъ это. Когда пастухи ночью шли въ Виолесмъ, звѣзда вела ихъ туда. Она поведетъ и насъ, если мы только будемъ вѣрить.

— Да,—отвѣтила дѣвочка; она во всемъ привыкла соглашаться съ братомъ. И они пошли дальше съ вѣрой въ сердцахъ.

Наконецъ, однажды вечеромъ, они пришли къ одинокому заброшенному двору; это было на второй годъ ихъ странствованій, въ Троицу, въ концѣ мая, когда на деревьяхъ распускались первые зеленые листья. Какъ только они

вошли въ калитку, то увидѣли во дворѣ большую березу съ пушистой макушкой и слабыми иѣжными листьями; сквозь свѣтло-зеленую листву, въ полумракѣ весенняго вечера, свѣтила яркая блестящая звѣзда. Въ эту весеннюю пору были настолько свѣтлыя ночи, что звѣзда эта одна выдѣлялась на небѣ, потому что она была самая большая и самая яркая.

— Это наша береза!—закричалъ мальчикъ.

— А вотъ и наша звѣздочка!—сейчасъ же воскликнула дѣвочка.

Они крѣпко обняли другъ друга и заплакали отъ радости.

— Вотъ здѣсь обыкновенно гоняли лошадей во дворъ,—сказалъ мальчикъ, подумавъ.

— А я узнаю колодезь, гдѣ мама доила коровъ,—вспомнила дѣвочка.

— Вотъ два маленькихъ креста подъ березкой; что это значить?—спросилъ мальчикъ.

— Я такъ боюсь войти въ домъ. Подумай! Можетъ быть, отецъ и мать умерли или не узнаютъ насъ больше! Иди впередъ, братъ!

— Давай, послушаемъ сначала у двери,—сказалъ мальчикъ съ сильно бьющимся сердцемъ.

Въ домѣ сидѣлъ старый крестьянинъ со своей женой. Они не были уже такъ стары,

но горе и нужда избороздили имъ лобъ морщинами и посеребрили ихъ волосы.

Мужъ сказалъ жепѣ:

— Сегодня, въ Троицынъ день, несчастнымъ бѣднымъ людямъ Богъ послалъ на землю Утѣшителя; но намъ неоткуда ждать утѣшенія. нашихъ дѣтей нѣтъ съ нами: двое спятъ подъ березой, а другіе двое въ чужой странѣ и никогда уже больше не вернутся къ намъ. Тяжело быть одинокими на старости лѣтъ.

Жена отвѣтила:

— Богъ — Всеблагій и Всемогуцій. Онъ, вѣрно, возвратитъ намъ нашихъ дѣтей, если найдетъ это нужнымъ. Сколько лѣтъ было бы имъ, если бы они были живы?

Отецъ отвѣтилъ:

— Мальчику было бы шестнадцать лѣтъ, а дѣвочкѣ пятнадцать. Да, но мы никогда не увидимъ ихъ, такого счастья мы не заслужили.

При этихъ словахъ открылась дверь, и въ комнату вошли мальчикъ и дѣвочка; они попросили хлѣба и сказали, что пришли издалека.

— Подойдите ближе, дѣти,—сказалъ отецъ:—оставайтесь у насъ почевать. Ахъ! вотъ и наши дѣти были бы такія же большія, если бы ихъ не увели отъ насъ!

— Какія славныя, хорошія дѣти,—прибавила жена.—О, если бы наши дѣти были съ нами!

При этомъ оба старика горько заплакали. Дѣти не выдержали и со слезами бросились обнимать своихъ родителей.

— Вы развѣ насъ не узнаете? Мы ваши дѣти! Насъ Богъ привелъ обратно къ вамъ изъ далекой чужой страны.

Родители были вѣ себя отъ радости и не могли насмотрѣться на своихъ дорогихъ дѣтей. Потомъ всѣ они опустились на колѣни и возблагодарили Бога, пославшаго имъ въ Троицынъ день такое великое утѣшеніе.

Послѣ чего дѣти должны были разсказать все, что съ ними случилось, и то большое горе, которое они всѣ пережили, было забыто.

Отецъ радовался, что у его сына такія сильныя руки, а мать, глядя капитановыя волосы своей дѣвочки, цѣловала безъ конца ея розовыя щечки.

— Да,—сказала мать радостно:—я такъ и думала, что должно случиться что-то очень хорошее, потому что двѣ птички цѣлый день пѣли сегодня на березѣ.

— Я вѣдь знаю ихъ. Это — два ангела въ

образъ птичекъ: они все время летѣли впереди насъ и указывали намъ путь; они радуются теперь вмѣстѣ съ нами, что мы нашли наконецъ свой родной домъ,—сказала дѣвочка.

— Пойдемъ, поздороваемся еще разъ съ березкой и звѣздочкой,—предложилъ мальчикъ.

— Видишь, сестра, тутъ спятъ наши маленькіе братецъ и сестрица. Если бы они были живы и смотрѣли на могилку, въ которой лежали бы мы съ тобой, что было бы съ нами?

— Вы, навѣрное, были бы Божьими ангелами,—иѣжно отвѣтила мать.

— Теперь я знаю, — замѣтила дѣвочка: — тѣ ангелы, которые указывали намъ путь и которые радовались сегодня за насъ, навѣрное, наши умершіе братецъ и сестрица. Это они твердили намъ: „Идите на родину, идите домой утѣшать мать и отца“. Это они указывали намъ дорогу въ пустынь; они давали намъ пищу, чтобы мы не умерли съ голоду; они приготавливали намъ постель изъ мха, чтобы мы не замерзли отъ холода; они же посылали намъ лодки, чтобы мы могли переправиться черезъ быстрыя рѣки. Это они подсказали намъ: вотъ ваша береза

и ваша звѣздочка. Богъ послалъ ихъ, чтобы защищать и оберегать насъ. Благодарю васъ, милые братецъ и сестрица! Благодарю тебя, Боже!

— Посмотрите, какъ ярко свѣтять звѣзды на синемъ небѣ сквозь нѣжную листву березы! Теперь мы нашли свой домъ! Дальше намъ ужъ не надо идти, сестра!

— Милыя дѣти,—сказалъ отецъ:—стремленіе къ цѣли — вотъ земная жизнь человѣка. Идите все дальше впередъ съ вѣрой въ сердцѣ. Пусть ангелы, указывавшіе вамъ путь сюда, никогда не покинутъ васъ! Вы шли и стремились къ березѣ,—она означала вашу родину. Пусть же родина будетъ цѣлью вашей любви и вашихъ трудовъ! Вы шли и стремились къ звѣздочкѣ,—она означаетъ жизнь вѣчную. Пусть эта звѣздочка свѣтитъ вамъ въ продолженіе всей вашей жизни!

— Аминь, да будетъ такъ! — сказали мать и дѣти, набожно сложивъ руки.

Переводъ Елены Хейне.

Малиновый червякъ.

— Ай! — вскрикнула Тереза.
— Фу! — закричала Айна.
— Что случилось? — спросила большая сестра.

— Червякъ! — крикнула Тереза.
— Въ малинѣ! — закричала Айна.
— Раздави его! — посоветовалъ Лоренцо.
— Сколько шуму и крику изъ-за какого-то несчастнаго червячка! — съ досадой сказала большая сестра.

— Вотъ видишь ли, когда мы чистили малину... — начала Тереза.

— Онъ выползъ изъ самой большой ягоды...—продолжала Айна.

— И если бы кто-нибудь съѣлъ эту ягоду...—перебила Тереза.

— То онъ съѣлъ бы вмѣстѣ съ ней и червяка,—закончила Айна.

— Ну, такъ что же? — сказалъ Лоренцо.

— Съѣсть червяка! — воскликнула Тереза.

— Да еще раскусить его! — возмущилась Айна.

— Подумаешь, какое несчастье!—сказалъ со смѣхомъ Лоренцо.

— Вотъ онъ поползъ по столу,—крикнула опять Тереза.

— Сдуй его на полъ! — сказала большая сестра.

— Раздави его! — снова посоветовалъ со смѣхомъ Лоренцо.

Но Тереза взяла малиновый листъ, осторожно сбросила червяка на него и вынесла листъ съ червякомъ на дворъ. Въ эту минуту Айна замѣтила, что воробушекъ на заборѣ съ жадностью поглядываетъ на червяка. Она сей-часъ же подняла листокъ съ червякомъ, отнесла его въ лѣсъ и тщательно спрятала подъ

малиновымъ кустомъ, чтобы жадный воробей не могъ найти его.

Наступилъ полдень и дѣти сѣли за обѣдъ. Къ обѣду подали малину съ молокомъ.

— Не сыпь слишкомъ много сахару, Лоренцо,—сказала большая сестра. Но тарелка Лоренцо походила уже на снѣжный сугробъ, изъ-подъ котораго едва-едва выглядывало что-то красное.

Сейчасъ же послѣ обѣда большая сестра сказала:

— Ну, вотъ, мы сѣли всю малину и намъ не изъ чего варить варенье. Хорошо было бы имѣть теперь двѣ корзинки свѣжихъ ягодъ; мы вычистили бы ихъ сегодня вечеромъ, завтра сварили бы изъ нихъ варенье, тогда мы могли бы зимою ѣсть вафли съ малиновымъ вареньемъ!

— Пойдемъ въ лѣсъ собирать малину,—сказала Тереза.

— Пойдемъ, — отвѣтила Айна. — Возьми желтую корзинку, а я возьму зеленую.

— Смотрите, не заблудитесь, и приходите во-время домой,—сказала большая сестра.

— Поклонитесь отъ меня малиновому червяку,—подразнилъ сестеръ Лоренцо.—Въ слѣ-

дующій разъ, когда мнѣ придется повстрѣчаться съ нимъ, я буду имѣть честь съѣсть его!

Айна и Тереза отправились въ лѣсъ. Ахъ, какъ тамъ было хорошо, какъ дивно хорошо! Правда, дѣвочкамъ было иногда немножко трудно перелѣзать черезъ валежники, пролѣзать между цѣпкими вѣтвями, пробираться сквозь кусты можжевельника и защищаться отъ комаровъ, —но что же изъ этого? Дѣвочки быстро шли впередъ, подоткнувъ покороче платица, и зашли въ самую глубину лѣса.

Тамъ было сколько угодно клубники и черники, но малины не было. Дѣвочки шли все дальше и дальше и наконецъ зашли... итѣ, кто бы этому могъ повѣрить... онѣ зашли въ густую малиновую чащу! Когда-то здѣсь былъ лѣсной пожаръ, послѣ котораго на выжженномъ мѣстѣ выросли малиновые кусты, тѣсно одинъ возлѣ другого на обширномъ пространствѣ, куда только хваталъ глазъ. Кусты склонились до самой земли подъ тяжестью крупныхъ темнокрасныхъ спѣлыхъ ягодъ. Такого изобилія прекрасныхъ ягодъ никогда еще не случалось видѣть двумъ дѣвочкамъ въ подоткнутыхъ платицахъ.

Тереза собирала ягоды, Айна собирала

ягоды; Тереза ѣла, Айна ѣла. Вскорѣ обѣ корзины были полны верхомъ.

— Теперь пойдемъ домой,—сказала Айна.

— Нѣтъ, давай соберемъ еще немного ягодъ,—сказала Тереза.

Онѣ поставили корзинки на землю и начали собирать малину въ фартуки. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ фартуки наполнились.

— Ну, теперь пойдемъ домой,—сказала Тереза.

— Хорошо, пойдемъ домой,—согласилась Айна.

Дѣвочки взяли корзинки въ одну руку и, придерживая фартуки другой, отправились домой.

Однако попасть домой оказалось не такъ легко, какъ онѣ думали. Имъ никогда еще не приходилось бывать такъ далеко въ лѣсу, гдѣ не было ни дорогъ, ни тропинокъ; вскорѣ дѣвочки замѣтили, что онѣ заблудились. Хуже всего было то, что тѣни отъ деревьевъ становились все длиннѣе, птички прятались въ гнѣзда, и на травѣ появилась роса. Наконецъ солнышко скрылось за верхушками елей, и въ большомъ лѣсу стало сумрачно и прохладно.

Дѣвочкамъ стало странно, но онѣ все шли впередъ въ надеждѣ, что скоро дойдутъ до опушки и увидятъ дымъ надъ крышей дома.

Прошло еще нѣсколько времени—и совѣтъ стемнѣло. Дѣвочки дошли наконецъ до большого открытаго мѣста, заросшаго кустарникомъ. Несмотря на спустившіяся сумерки, онѣ осмотрѣлись кругомъ и поняли, что за это время сдѣлали большой кругъ и очутились опять на томъ же мѣстѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ собирали малину. Тогда онѣ въ изнеможеніи опустились на большой камень и заплакали.

— Я такъ голодна,—сказала Тереза.

— И я также,—сказала Айна.—Ахъ, если бы у насъ теперь было два большихъ бутерброда съ мясомъ.

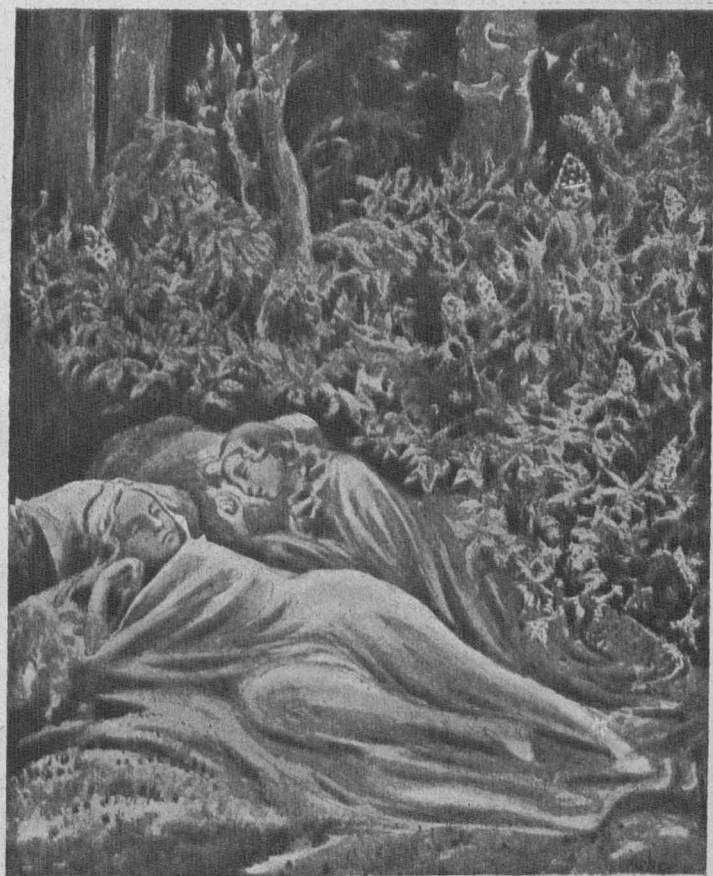
Не успѣла она этого сказать, какъ почувствовала что-то у себя на колѣняхъ. Оказалось, что у нея на колѣняхъ очутился большой бутербродъ съ дичью. Въ ту же минуту Тереза воскликнула:

— Какъ странно, у меня въ рукахъ бутербродъ!

— И у меня бутербродъ,—сказала Айна.— Ты не побоишься его съѣсть?

— Конечно, нѣтъ, — отвѣтила Тереза.— Ахъ, если бы еще имѣть стаканъ молока!

Едва она это сказала, какъ почувствовала

у себя въ рукѣ стаканъ молока. И въ эту же минуту Айна воскликнула:

— Тереза, Тереза! У меня въ рукахъ стаканъ молока! Какъ это странно!

Такъ какъ дѣвочки были голодны, то онѣ принялись ѣсть и пить съ громаднымъ удовольствіемъ. Окончивъ ужинъ, Айна зѣвнула и, потягиваясь, сказала:

— Ахъ, если бы теперь можно было растянуться въ мягкой постелькѣ и заснуть!

Не успѣла она произнести эти слова, какъ почувствовала возлѣ себя прекрасную мягкую постель, и то же самое замѣтила возлѣ себя и Тереза. Дѣвочки крайне удивились, но онѣ были слишкомъ утомлены и имъ очень хотѣлось спать, а потому, не долго думая, онѣ легли въ теплыя постели, прочли вечернюю молитву и поплотнѣе укрылись одѣялами. Не прошло и двухъ минутъ, какъ онѣ уже спали крѣпкимъ сномъ.

Когда онѣ проснулись, солнце уже стояло высоко на небѣ. Было прекрасное лѣтнее утро, птички распѣвали и весело порхали въ верхушкахъ деревьевъ съ вѣтки на вѣтку. Дѣвочки, увидавъ, что проспали всю ночь въ кустахъ малины, безгранично удивились.

Онѣ посмотрѣли другъ на друга, посмотрѣли на свои постели изъ мягкаго мха и сухихъ листьевъ, покрытыхъ тончайшей простыней, и снова посмотрѣли другъ на друга. Наконецъ Тереза сказала:

— Ты не спишь, Айна?

— Нѣтъ, не сплю,—отвѣтила Айна.

— Но я продолжаю видѣть сонъ,—сказала Тереза.

— Нѣтъ, это не сонъ,—сказала Айна.—Но здѣсь, въ этомъ малинникѣ, навѣрное живетъ какой-нибудь добрый духъ. Ахъ, если бы теперь можно было выпить чашку горячаго кофе со вкусной булкой!

Не успѣла она сказать, какъ возлѣ нихъ очутился серебряный подносъ съ золоченымъ кофейникомъ, съ двумя чашками изъ па-стоящаго фарфора, хрустальной сахарницей, серебрянымъ сливочникомъ и нѣсколькими аппетитными горячими булочками. Дѣвочки наполнили чашки прекраснымъ ароматнымъ кофе, положили сахаръ, налили сливокъ и съ величайшимъ наслажденіемъ стали пить кофе. Никогда еще кофе не казался имъ такимъ вкуснымъ.

— А теперь мнѣ хотѣлось бы знать, кто далъ намъ все это,—сказала Тереза.

— Я далъ вамъ всё это, мои милыя дѣвочки,—послышался изъ кустовъ голосъ. Дѣвочки оглянулись съ изумленіемъ и увидали маленькаго ласковаго старичка въ бѣлой одеждѣ и красной шапочкѣ; онъ пробирался къ нимъ между кустами, прихрамывая на лѣвую ногу. Ни Тереза, ни Айна отъ изумленія не могли произнести ни слова.

— Не пугайтесь, дѣвочки,—сказалъ старичокъ, ласково скрививъ губы, — смѣяться по настоящему онъ не могъ, такъ какъ ротъ у него былъ на боку.—Добро пожаловать въ мое царство! Хорошо ли вы спали, хорошо ли пили и ѣли?—спросилъ онъ.

— Да, очень хорошо, — сказали обѣ дѣвочки въ одинъ голосъ: — но скажите намъ, пожалуйста... — онѣ хотѣли было спросить, кто онъ, этотъ старичокъ, но не посмѣли.

— Я скажу вамъ, кто я такой, — сказалъ старичокъ. — Я Малиновый король; я царю надъ всѣми этими малиновыми кустами, и живу здѣсь уже нѣсколько тысячъ лѣтъ. Однако Великій Духъ не хотѣлъ, чтобы я возгордился своею королевскою властью и своимъ долголѣтіемъ. А потому онъ приказалъ, чтобы я на одинъ день въ каждые сто лѣтъ превра-

шался въ маленькаго малиноваго червяка и жилъ бы въ видѣ слабаго и беззащитнаго существа отъ самаго восхода солнца и до его заката. Въ это время меня можетъ съѣсть птица, я могу попасть въ руки ребенка, и онъ не задумается раздавить меня ногой и прекратить мою тысячелѣтнюю жизнь. Вчера какъ-разъ былъ день моего превращенія, я попалъ въ ваши руки вмѣстѣ съ малиной и меня чуть не раздавили, но вы спасли меня, милыя дѣвочки. До самаго заката я лежалъ, совершенно беззащитный, въ травѣ; когда меня сбрасывали со стола, я вывихнулъ себѣ одну ногу, а отъ страха ротъ у меня свернулся на сторону. Вечеромъ я снова принялъ свой настоящій образъ и сталъ искать васъ, чтобы поблагодарить и наградить за свое спасеніе. И вотъ я нашелъ васъ обѣихъ въ моемъ царствѣ, гдѣ я и принялъ васъ такъ хорошо, какъ только могъ, стараясь не слишкомъ напугать васъ. А теперь я пошлю птичку изъ своего лѣса, и она проводить васъ домой. Прощайте, мои милыя дѣти, благодарю васъ за вашу доброту; Малиновый король докажетъ вамъ, что сердце у него благодарное.

Дѣвочки протянули старичку на прощанье

руки; онѣ искренно радовались, что наканунѣ такъ великодушно поступили съ малиновымъ червячкомъ.

Онѣ хотѣли уже идти. но въ эту минуту старичокъ обернулся еще разъ, насмѣшливо ухмыльнувшись своимъ кривымъ ртомъ и сказалъ:

— Поклонитесь Лоренцо и скажите ему, что въ слѣдующій разъ, когда мы съ нимъ встрѣтимся, я буду имѣть честь съѣсть его.

— Ахъ, не дѣлайте этого, господнигъ малиновый червякъ!—воскликнули обѣ дѣвочки, которыхъ очень испугала угроза Малиноваго короля.

— Ну, такъ и быть, ради васъ я его прощаю,—отвѣтилъ старичокъ:—я не мститель. Кланяйтесь Лоренцо и скажите ему, что и онъ также получитъ отъ меня подарокъ. Прощайте!

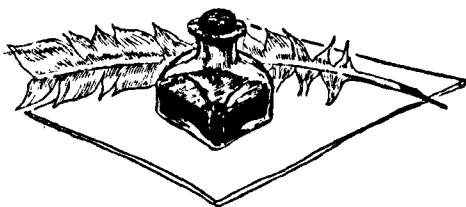
Дѣвочки захватили свои ягоды и весело побѣжали по лѣсу слѣдомъ за птичкой, которая полетѣла передъ ними. Вскорѣ лѣсъ сталъ рѣдѣть, и онѣ вышли на знакомыя мѣста. Онѣ очень удивились тому, что такъ плутали и кружили наканунѣ, хотя отошли не очень далеко отъ дома. Можно себѣ представить, съ какой радостью ихъ встрѣтили дома. Всѣ безпокоились, всѣ ихъ искали; большая сестра

ни на минуту не сомкнула глазъ всю ночь и была увѣрена, что ея милыхъ маленькихъ дѣвочекъ съѣли волки. Едва онѣ появились дома, какъ Лоренцо вышелъ къ нимъ навстрѣчу съ корзиной и закричалъ:

— Посмотрите, какой-то старичокъ только-что принесъ вамъ вотъ это!

Дѣвочки раскрыли корзину и нашли въ ней два великолѣпныхъ браслета съ драгоценными темнокрасными, точно зрѣлая малина, камнями. На браслетахъ лежала записка: „Терезѣ и Айнѣ“. Кромѣ того, въ корзинкѣ лежала брилліантовая булавка; головка ея изображала малиноваго червяка съ надписью: „Лоренцо, не убивай беззащитныхъ!“. Лоренцо сконфузился; онъ понялъ, какой урокъ ему дали, но въ то же время онъ нашелъ, что старичокъ отомстилъ ему, какъ метать только благородныя, добрыя сердца. Малиновый король не забылъ также и большей сестры: когда она пошла накрывать столъ къ обѣду, то увидала на столѣ двѣнадцать большихъ корзинъ, наполненныхъ крупной спѣлой малиной,—такихъ прекрасныхъ ягодъ еще никто никогда не собиралъ въ лѣсу. Никто не зналъ, какъ эти ягоды очутились здѣсь, но все догадыва-

лись, откуда онъ. И вотъ въ домѣ начали варить варенье, и наварили его такое количество, что не знали, куда его складывать. Если хочешь, то пойдемъ помогать имъ варить варенье,—пожалуй, и на нашу долю достанется что-нибудь, потому что въ этомъ домѣ, навѣрное, до сихъ поръ варятъ малиновое варенье.

Чти отца твоего и мать твою.

Исторія, которую я вамъ теперь расскажу, очень коротенькая, но она замѣчательна въ томъ отношеніи, что необыкновенно ясно показываетъ, какъ большимъ, такъ и малымъ, насколько Богу угодно, чтобы дѣти почитали своихъ родителей. Неблагодарность и непочтительность дѣтей по отношенію къ своимъ родителямъ—величайшій грѣхъ, который всегда ведетъ за собой тяжкое наказаніе, если не сегодня и не завтра, то впоследствии, когда дѣти станутъ большими.

Правда, эта исторія стара, и мнѣ ее приходилось слышать отъ многихъ, но никому не повредить услышать ее лишній разъ.

Жили-были мужъ съ женой, у нихъ было нѣсколько маленькихъ дѣтей. Съ ними жилъ

также старій дѣдушка, отецъ мужа; онъ былъ такой старій и слабій, что у него постоянно дрожали руки, и ему было трудно держать что-нибудь въ рукахъ.

Вотъ поэтому-то, когда онъ сидѣлъ за столомъ съ другими и ѣлъ супъ, то онъ не могъ поднести къ своему рту ложку, не расплескавъ супа. Это не правилось тѣмъ, кто сидѣлъ съ нимъ вмѣстѣ за столомъ, и ему подвязали салфетку, какъ это дѣлають маленькимъ дѣтямъ. Но руки старика постоянно дрожали, и онъ проливалъ супъ на чистую салфетку. Развѣ онъ былъ виноватъ?

Мужъ съ женой, жестокіе и неблагодарные люди, не думали о томъ, сколько въ свое время заботъ и труда они стоили своимъ родителямъ, когда были маленькими и неразумными дѣтьми. Однажды они съ досадой сказали старику:

— Дѣдушка, если ты не перестанешь проливать супъ на салфетку, то мы посадимъ тебя въ уголъ, и ты будешь ѣсть изъ корыта вмѣстѣ съ поросятами.

Но дѣдушка не могъ справиться со своими руками, онъ былъ такой старій. И вотъ жестокіе люди посадили его въ уголъ и поставили передъ нимъ деревянное корыто, изъ

какихъ обыкновенно кормятъ поросятъ; и дѣдушка ѣлъ одинъ въ своемъ углу, тогда какъ мужъ съ женой съ аппетитомъ кушали за столомъ.

Бѣдный дѣдушка глубоко огорчился такимъ обращеніемъ съ нимъ. Тяжело подъ старость переносить презрѣніе другихъ людей только изъ-за своей старости; а еще тяжелѣе переносить это отъ своихъ собственныхъ дѣтей. Неблагодарность самый тяжелый порокъ, какой только существуетъ на землѣ.

Дѣдушка сидѣлъ одинъ въ своемъ углу и плакалъ такъ тихо, что никто не видалъ его слезъ; онѣ текли по его увядшимъ щекамъ и падали на его бѣлоснѣжную бороду. Только Богъ одинъ, Всевидящій, увидалъ и горе бѣднаго старика, а также жестокость близкихъ ему людей, и пожелалъ смирить неблагодарнаго сердца.

Однажды дѣдушка, по обыкновенію, сидѣлъ въ своемъ углу, мужъ съ женой сидѣли за столомъ, а ихъ маленькій четырехлѣтній мальчикъ игралъ на полу и что-то вырѣзалъ изъ дерева. Отецъ малютки спросилъ его:

— Что ты тамъ дѣлаешь, мой мальчикъ?

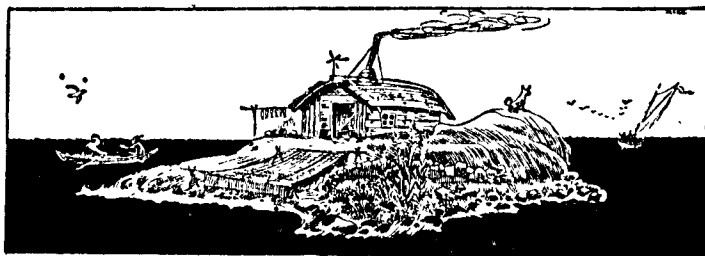
— А я вырѣзываю изъ дерева корыто,—от-

вѣтилъ мальчикъ:—когда вы, папа съ мамою, состаритесь, то я посажу васъ въ уголь, и вы будете ѣсть изъ корыта, какъ дѣдушка.

Мужъ съ женой переглянулись, и Богъ раскрылъ имъ глаза. Они вдругъ увидали свой великій грѣхъ и свою неблагодарность: имъ показалось, что они услышали голосъ самой совѣсти, которая заговорила съ ними устами ихъ маленькаго ребенка: „Какъ вы почитали вашего отца въ старости, такъ и ваши дѣти не будутъ чтить васъ, когда вы сами состаритесь“.

И они разразились слезами, пошли въ уголь къ старому отцу, обняли его и сказали:

— Прости насъ за то, что мы были такъ жестоки къ тебѣ! Съ этого дня ты всегда будешь сидѣть съ нами за столомъ на почетномъ мѣстѣ. Теперь мы поняли, что нельзя забывать святую и прекрасную пятую заповѣдь: „Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и да долголѣтенъ будешь на земли“.

Даръ морского царя.

Жилъ однажды рыбакъ по имени Лаксмаатте. Жилъ онъ на берегу синяго моря, — да гдѣ же было бы ему иначе и жить? У него была жена по имени Лаксмая, — да какъ бы ей иначе и называться? Зимой рыбакъ жилъ со своею женой въ маленькой избушкѣ на материкѣ, на самомъ берегу моря; а весной они переселялись на гранитную скалу, торчавшую изъ-подъ воды посреди моря, и тамъ они жили все лѣто до самой глубокой осени. Тамъ у нихъ была совсѣмъ крошечная избушка съ де-

ревяннымъ засовомъ на дверяхъ вмѣсто замка, съ сѣрой каменной плитой вмѣсто очага и съ флагштокомъ и флюгеромъ на крышѣ.

Скалу эту звали Ахтола, и вся она была не больше обыкновенной рыночной площади. На этомъ каменномъ островкѣ въ разсѣлинѣ росла маленькая рябина да еще четыре ольховыхъ кустика. Богъ знаетъ, какъ туда попали эти растенія! Кромѣ того, на островкѣ росли кое-гдѣ бархатистая травка, камышъ, немного болотной травки и еще красовался одинъ бѣлый маленькій цвѣтокъ. Но самымъ удивительнымъ растеніемъ на скалѣ былъ мелкій лукъ, который Лаксмая сама посадила въ разсѣлинѣ скалы; съ сѣверной стороны это растеніе защищала скала, а съ южной его пригрѣвало солнышко. Огородъ могъ бы быть и больше, но Лаксмая довольствовалась и этимъ.

Богъ тронцу любить, а потому рыбацкѣ Лакс-матте и его жена ловили весною лососню, лѣтомъ салаку, а осенью сиговъ. Когда погода была хорошая, вѣтеръ тоже хорошій, то рыбацкѣ съ женой переправлялись на парусной лодкѣ въ городъ, продавали свѣжую рыбу и по воскресеньямъ ходили въ церковь. Но

часто случалось, что они жили по нѣскольکو недѣль сряду совѣтъ один на своемъ островкѣ Ахтола и не видали ни одного живого существа, за исключеніемъ своей рыжей собаченки, которая носила громкое имя Принцъ; кромѣ того, они наслаждались видомъ нѣсколькихъ клочковъ травки, нѣсколькихъ кустиковъ и цвѣточковъ, морского мха, черныхъ грозовыхъ тучъ да бѣлыхъ гребней на синихъ волнахъ. Скалистый островокъ, на которомъ они жили, находился въ открытомъ морѣ; на милю кругомъ не было ни зеленаго островка, ни какого-либо человѣческаго жилья, — лишь тамъ да сямъ изъ-подъ воды торчала такая же красная гранитная скала, какъ Ахтола, день и ночь обдаваемая морской пѣной.

Лаксматте и Лакемая были добрые и работающіе люди; они были счастливы и довольны, живя въ своей бѣдной избушкѣ втроемъ со своимъ Принцемъ. Они считали себя богачами, когда имъ удавалось насолить столько боченковъ рыбы, что этого запаса хватало на всю зиму, да, кромѣ того, отложить немного денегъ на табакъ для трубки старика и на нѣсколько фунтовъ кофе для старухи; причемъ, для улучшенія вкуса кофе, его наполовину смѣши-

вали съ жаренымъ ржанымъ зерномъ и съ цикоріемъ. Впрочемъ, кромѣ этого у нихъ на островѣ водилось масло, хлѣбъ, рыба, квасъ и боченокъ съ кислымъ молокомъ, — чего имъ еще было нужно?

Все было бы хорошо, если бы у Лаксман не зародилось тайное желаніе, не дававшее ей покоя ни днемъ, ни ночью. Она изъ года въ годъ мечтала о томъ, чтобы какъ-нибудь разбогатѣть настолько, чтобы завести себѣ корову.

— На что тебѣ корова? — спрашивалъ Лаксмаатте. — Вѣдь корова не можетъ плавать далеко, въ нашей лодкѣ ей не помѣститься, а потому мы не могли бы перевозить ее на нашъ островъ. А если бы даже намъ и удалось какъ-нибудь переправить ее на островъ, то, все равно, намъ нечѣмъ было бы ее кормить.

— Здѣсь четыре ольховыхъ куста и шестнадцать кочекъ съ травою, — сказала Лаксмая.

— Ну, конечно, — разсмѣялся Лаксмаатте, — здѣсь также три пучка мелкаго луку. Почему бы тебѣ не кормить корову лукомъ?

— Всѣ коровы любятъ соленую салаку, — настаивала на своемъ старуха. — Даже Принцъ любитъ рыбу.

— Ну, ужъ и придумала! — сказали старики. — Нечего сказать, дешево бы намъ обошлась корова, если бы мы вздумали кормить ее соленой салакой. Другое дѣло Принцъ: онъ лѣзетъ въ драку съ чайками изъ-за остатковъ, когда мы чистимъ салаку. Нѣтъ, матушка, выбрось-ка изъ головы корову! Намъ и такъ хорошо.

Лакемая глубоко вздохнула. Она понимала, что старикъ правъ, и все-таки корова не выходила у нея изъ ума. Ей опротивѣло старое, кислое молоко, которое не могло замѣнить свѣжихъ сливокъ и кофе, и Лакемая мечтала о свѣжихъ сливкахъ и о свѣжей простоквашѣ, какъ о самомъ великомъ счастьѣ на землѣ.

Однажды, когда старикъ со старухой чистили на берегу салаку, послышался лай Принца, и велѣдъ за этимъ появилась красно раскрашенная лодка, въ которой сидѣли трое молодыхъ людей въ бѣлыхъ фуражкахъ. Лодка направилась къ скалѣ. Молодые люди эти были студенты, они предпринимали далекія прогулки на парусахъ только ради удоволь-

ствія; теперь имъ захотѣлось поѣсть чего-нибудь свѣжаго, и потому они направились къ островку.

— Сядь въ лодку и привези намъ немного простокваши, тетушка!—крикнули они старухѣ.

— Да, если бы у меня была простокваша,—со вздохомъ отвѣтила Лаксмая.

— Мы согласны и на кружку молока,—сказали студенты.—Но, конечно, молоко должно быть пестятое.

— Да, если бы у меня было молоко!—сказала старуха, вздохнувъ еще глубже.

— Что? У васъ пѣтъ коровы?

Лаксмая молчала. Былъ задѣтъ слишкомъ большой вопросъ, и она не могла отвѣчать на него.

— Коровы у насъ пѣтъ,—отвѣтилъ Лаксматте:—но если вы хотите свѣжей копченой салаки, то вы получите ее часа черезъ два совѣсьмъ горячую.

— Давайте хоть копченой салаки,—согласились на предложеніе студенты, причалили къ берегу и высадились на скалу со своими трубками и сигарами. Между тѣмъ хозяева островка надѣли на вертелъ пятьдесятъ серебрянѣтыхъ свѣжихъ салакъ и повѣсили ихъ коптиться.

— Какъ зовутъ этотъ островокъ, заброшенный въ морѣ?—спросилъ одинъ изъ студентовъ.

— Ахтола,—отвѣтилъ старикъ.

— И что вамъ за охота жить въ усадьбѣ морского царя?

Лаксмаатте не понималъ этого вопроса. Онъ никогда не читалъ Калевалы и ничего не зналъ о морскихъ богахъ. Но студенты объяснили ему все.

— „Ахти“,—сказали они,—могущественный морской царь, и живетъ онъ въ великолѣпной усадьбѣ, у подножья скалы на самой глубинѣ моря; тамъ у него обиліе всевозможныхъ сокровищъ. Онъ царитъ надъ всѣми рыбами и всѣми морскими животными; у него есть прекрасныя дойныя коровы и великолѣпныя быстроногія лошади,—эти животныя пасутся на днѣ морскомъ и питаются морскою травой. Тотъ, кто сумѣетъ поправиться Ахти, скоро дѣлается богатымъ человѣкомъ; но онъ долженъ остерегаться хоть чѣмъ-нибудь вызвать неудовольствіе морского царя, потому что царь этотъ очень капризенъ и обидчивъ. Онъ можетъ выйти изъ себя изъ-за какого-нибудь камешка, брошеннаго въ воду, — тогда онъ

сейчасъ же отбираетъ всѣ свои дары, поднимаетъ на морѣ бурю и увлекаетъ парусныя лодки на дно морское. У Ахти есть также прелестныя дѣвушки, онѣ поддерживаютъ шлейфъ морской царицы Велламо и расчесываютъ ея длинныя волосы; иногда онѣ всплываютъ въ тростникахъ и слушаютъ музыку, если имъ кто-нибудь играть...

— Ахъ, это русалки!—сказалъ Лаксма-
те.—А видѣли вы все это, господа?

— Да, можно сказать, что мы почти видѣли все это,—сказали студенты.—Во всякомъ случаѣ, все это напечатано, а все, что напечатано, правда.

— Ну, ужъ извините, — насмѣшливо замѣтилъ Лаксма-
те.—Въ такомъ случаѣ вчера у насъ должна была бы быть прекрасная погода, потому въ календарѣ стояло, что погода будетъ ясная, а между тѣмъ вчера бушевалъ вѣтеръ и дождь лилъ, какъ изъ ведра.

— Да, вотъ видишь ли, это происходитъ оттого, что календари имѣютъ особенное право врать, и объ этомъ правѣ напечатано,—значить правда, что календари врутъ,—объяснилъ одинъ изъ студентовъ.

Лаксмаатте сомнительно покачалъ головой, но въ это время Лаксмая подала свѣжеспро-
копченную салаку, и разговоръ прервался. Студенты поѣли за шестерыхъ и угостили Принца холоднымъ жаренымъ мясомъ, которое у нихъ было съ собой въ лодкѣ. Принцъ служилъ на заднихъ лапкахъ и отъ восторга свертывался въ клубочекъ, какъ кошка. Когда студенты кончили закусывать, они дали Лаксмаатте блестящую серебряную монету-марку и позволили ему набить свою трубку хорошимъ табакомъ; Лаксмаатте такъ добросовѣстно набивалъ свою трубку, что она лопнула. Затѣмъ студенты поблагодарили хозяевъ за гостепріимство и отчалили отъ острова. Принцъ съ нескрѣпенной грустью расстался съ ними; онъ долго сидѣлъ на берегу и печально смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся лодкѣ, пока на горизонтѣ не исчезло послѣднее пятнышко бѣлаго паруса.

Лаксмая не произнесла ни слова во время посѣщенія студентовъ, но она все думала. У нея былъ очень тонкій слухъ, и она слово въ слово запомнила все, что разсказывали студенты про Ахти. „Недурно было бы“, думала она, „получить одну изъ коровъ морского колдуна! Какое счастье пить молоко

утромъ и вечеромъ отъ такой великолѣпной коровы и не знать никакихъ заботъ о ней и объ ея прокормѣ! Но до такого счастья никогда не дожить!“

— О чемъ ты раздумываешь? — спросилъ Лаксмаатте.

— Такъ, ни о чемъ, — отвѣтила старуха. Но на самомъ дѣлѣ она припоминала нѣсколько старыхъ волшебныхъ рунъ, * которыя она слышала въ своемъ дѣтствѣ отъ одного старика; эти руны, по словамъ старика, давали хороший уловъ при рыбной ловлѣ. „Не попытаться ли мнѣ счастья?“ думала Лаксмая.

Въ этотъ день была суббота, а въ субботній вечеръ Лаксмаатте обыкновенно не закидывалъ своихъ сѣтей для ловли салаки, потому что онъ чтилъ день субботній. Но подъ вечеръ старуха сказала ему:

— Не закинуть ли намъ сѣти?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ старикъ: — въ ночь на воскресенье никогда не везетъ въ рыбной ловлѣ.

— Ночью была сильная буря, и уловъ у насъ былъ очень плохой, — сказала старуха. — А теперь море спокойно, какъ зеркало, а

* Руна — нѣсія-заговоръ.

послѣ того вѣтра, какой дулъ вчера, салака обыкновенно очень хорошо ловится.

— Но развѣ ты не видишь, что на сѣверо-западѣ собираются тучи?—возразилъ старикъ.— Да и Принцъ сегодня ѣлъ траву.

— Ужъ не съѣлъ ли онъ мой лукъ? — со страхомъ спросила Лаксмая.

— Нѣтъ. Но ты увидишь, что завтракъ закату солнца соберется непогода,—сказалъ Лаксмаатте.

— Послушай, — настаивала старуха:—мы забросимъ одну только сѣть въ спокойномъ мѣстѣ у отмели, и тогда намъ можно будетъ наложить до верху боченокъ съ салакой; а то боченокъ испортится безъ груза и безъ крышки.

Старикъ далъ себя уговорить, и вотъ они отправились въ море. Когда они очутились на самомъ глубокомъ мѣстѣ среди моря, старуха стала напѣвать про себя старыя руны, измѣняя слова по своему собственному усмотрѣнію:

Ахти съ длинною бородою,
Ахти въ глубинѣ морской,
У тебя сокровищъ много,
Ты владѣешь царствомъ рыбъ;
Дивный жемчугъ въ изобиліи
Въ твоёмъ царствѣ собирають...
И коровы, какихъ мало,
У тебя на днѣ пасутся
И ѣдятъ траву морскую...

— Что ты тамъ напѣваешь? — спросилъ старикъ.

— Я вспомнила одну старую пѣсню, — отвѣтила старуха. И она запѣла громче:

Царь морской въ пучинѣ темной,
Тѣхъ сокровищъ мнѣ не надо, —
Меня жемчугъ не прельщаетъ,
Серебро и золото также...
У тебя, морской владыко,
Я прошу лишь очень мало:
Подари ты мнѣ корову!
Отплатчу тебѣ я щедро
Златомъ солнца, луннымъ свѣтомъ...

— Что за глупая пѣсня, — сказала Лакс-матте. — Развѣ можно просить у морского царя чего другого, кромѣ рыбы? Но, во всякомъ случаѣ, въ ночь на воскресенье лучше не пѣть такихъ пѣсень.

Старуха притворилась, что не слышитъ его словъ, и продолжала напѣвать свою пѣсенку, пока они оставались на глубокомъ мѣстѣ. Лакс-матте не обращалъ больше на нее вниманія: онъ былъ занятъ веслами, а кромѣ того съ досадой думалъ о своей глиняной трубкѣ, которая дала трещину, и о прекрасномъ табакѣ, которымъ его угощали студенты. Поздно ночью старикъ со старухой вернулись на свою скалу и сейчасъ же легли спать.

Лаксмаатте и Лаксмая лежали въ постеляхъ, но ни тотъ, ни другая не могли заснуть: старика мучило сознанье, что онъ нарушилъ четвертую заповѣдь, а мысли старухи были заняты коровами Ахти. Уже было за полночь, когда старикъ вдругъ поднялся съ постели и сказалъ старухѣ:

— Ты ничего не слышишь?

— Нѣтъ,—отвѣчала старуха.

— Миѣ кажется, флюгеръ на крышѣ какъ-то странно скрипитъ,—сказалъ старикъ.—Собирается буря.

— Это тебѣ только такъ кажется,—успокоила его старуха.

Лаксмаатто улегся, но черезъ нѣсколько времени онъ снова поднялся.—Теперь флюгеръ засвистѣлъ,—сказалъ онъ.

— Спи! тебѣ все это только кажется,—возразила старуха. И старикъ закрылъ глаза, стараясь заснуть.

Но въ третій разъ онъ въ безпокойствѣ вскочилъ съ постели.—Нѣтъ, теперь флюгеръ скрипитъ и свиститъ на все лады, какъ будто въ него вселился нечистый! Буря, и намъ надо спасать сѣти.

Старуха тотчасъ же вскочила и одѣлась.

Въ эту лѣтнюю ночь было темно, какъ въ октябрѣ, флюгеръ скрипѣлъ и свистѣлъ, а буря завывала, и вѣтеръ готовъ былъ снести избушку въ море. Когда старикъ со старухой вышли на крыльцо, то увидали, что море какъ будто превратилось въ необозримую снѣжную равнину, а брызги и пѣна взлетали высоко надъ крышей ихъ избушки. Такой бурной ночи Лаксмаатте еще и не запомнилъ. Не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы отправляться на лодкѣ въ море спасать сѣти. Старикъ со старухой въ ужасѣ смотрѣли съ крыльца на бушующее передъ ихъ глазами море и держались за косякъ двери, а брызги обдавали ихъ съ ногъ до головы.

— Развѣ я не говорилъ, что нѣтъ благословенія тѣмъ, кто ловить рыбу въ воскресную ночь?—сказалъ Лаксмаатте угрюмо. Старухѣ было такъ страшно и стыдно, что она забыла даже думать о коровахъ Ахти.

Такъ какъ дѣлать было нечего, то старикъ со старухой снова вошли въ избу. Теперь только они почувствовали усталость послѣ долгой бессонницы; сонъ овладѣлъ ими, и они крѣпко заснули, какъ будто бы вокругъ ихъ одинокой избушки не бушевала буря и не вздымались бѣшенныя волны.

Когда на слѣдующее утро Лакснатте и его жена проснулись, то солнце стояло уже высоко на небѣ; буря улеглась, только мертвая волна еще продолжала ходить по морю и разбивала свои высокіе валы о красный гранитъ, а серебряная пѣна сверкала на солнцѣ у рыбачьяго островка.

— Это что такое!—воскликнула старуха, когда она отворила дверь избушки и выглянула наружу.

— Это какъ будто большой тюлень,—сказалъ Лакснатте.

— Умереть мнѣ на этомъ мѣстѣ, если это не корова!—воскликнула Лаксмая.

И дѣйствительно, это была корова, прекрасная корова лучшей породы, сытая и толстая, какъ если бы она всю свою жизнь не ѣла ничего другого, кромѣ шпината. Она спокойно ходила по берегу островка и не трогала даже несчастныхъ кочекъ съ травкой, какъ будто пренебрегала такой скудной пищей.

Лакснатте не вѣрилъ своимъ глазамъ. Но не было никакого сомнѣнія: это была настоящая корова, что и подтвердилось блестящимъ образомъ, когда Лаксмая начала ее доить, и вся посуда, какая только была въ домѣ, напол-

нилась прекраснымъ парнымъ молокомъ; пришлось отдать подъ молоко даже лодочную черпалку. Напрасно старикъ ломалъ себѣ голову, стараясь догадаться, какъ къ нимъ на островъ попала корова. Въ концѣ-концовъ онъ отправился искать свои пропавшія сѣти. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ увидалъ на берегу свои сѣти, выброшенные волнами; и сѣти были переполнены рыбой, прекрасной серебристой салакой.

— Ну, что же, очень хорошо, что у насъ есть корова, — сказалъ Лаксмаатте, занятый чистой салакой. — Но чѣмъ мы будемъ ее кормить?

— Это какъ-нибудь да устроится, — отвѣтила старуха.

И дѣйствительно, корова сама заботилась о себѣ. Она входила въ воду и ѣла морскую траву, которая во множествѣ росла на отмеляхъ у береговъ островка; и она всегда имѣла сытый и здоровый видъ. Все, за исключеніемъ Принца, находили, что корова хороша во всѣхъ отношеніяхъ. Но Принцъ лаялъ на нее: онъ не любилъ коровы, потому что она была его соперницей.

Съ этого дня на красномъ скалистомъ островкѣ

было изобиліе молока и простокваши. Сѣти всегда были переполнены рыбой. Лаксатте и Лаксмая разжирѣли отъ хорошаго житья и съ каждымъ днемъ богатѣли, потому что старуха на маслѣ наживала хорошія деньги; старикъ нанялъ двухъ работниковъ и поставилъ рыбную ловлю на широкую ногу. Море превратилось для него въ большой рыбный садокъ, изъ котораго онъ могъ брать рыбы, сколько ему хотѣлось. А корова продолжала сама заботиться о себѣ и своемъ кормѣ. Осенью, когда Лаксатте съ женой перебрались по обыкновенію на материкъ, корова ушла въ море, а весною, когда они возвратились на свой островокъ, корова снова стояла на скалѣ.

— Намъ пужна изба получше этой, — сказала Лаксмая на слѣдующее лѣто. — Старая изба слишкомъ мала для насъ и для работниковъ.

— Правда, — сказалъ Лаксатте. И онъ выстроилъ хорошую, просторную избу съ настоящимъ замкомъ на дверяхъ; а рядомъ съ избой онъ выстроилъ сарай для рыбы. Кромѣ того, онъ нанялъ еще двухъ работниковъ, такъ какъ дѣло его разрослось настолько, что

онъ отправлялъ большія бочки лососины, снговъ и салаки въ Россію и въ Швецію.

— Мнѣ не подь силу справляться со всеѣмъ этимъ народомъ,— сказала однажды Лаксмая.— Было бы не лишнее, если бы у меня въ помощь была служанка.

— Возьми служанку,—сказалъ старикъ. И вотъ у нихъ появилась служанка. Вскорѣ Лаксмая опять сказала старикъ:

— У насъ не хватасть молока для людей. Разъ у меня есть служанка, то она безъ особаго труда могла бы справляться и съ тремя коровами.

— Ну, что же, спой колдуну свою пѣсню,—сказалъ насмѣшливо старикъ.

Это разсердило Лаксмаю. Въ одну воскресную ночь она отправилась на лодкѣ въ море и снова пропѣла:

Ахти съ длинной бородою,
Ахти въ глубинѣ морской,
У тебя коровъ такъ много!
Мнѣ же надо только три!

На слѣдующее утро на скалистомъ островкѣ стояло три коровы, вмѣсто одной, и все онѣ ѣли морскую траву. и никому не надо было о нихъ заботиться.

— Довольна ты теперь? — спросилъ Лакс-матте свою жену.

— Конечно, я была бы вполне довольна, если бы только у меня было двѣ служанки, потому что съ такимъ большимъ хозяйствомъ трудно справляться. Кромѣ того, мнѣ надо обзавестись хорошимъ платьемъ. Развѣ ты не слыхалъ, что меня зовутъ барыней?

— Пусть будетъ по-твоему, — согласился старикъ. Лаксмая наняла нѣсколько служанокъ и одѣлась, какъ барыня.

— Все было бы хорошо, — сказала она черезъ нѣсколько времени: — если бы только лѣтомъ намъ здѣсь было немного получше жить. Построй двухъэтажный домъ и навози сюда земли, чтобы можно было здѣсь развести садъ. А въ саду выстрой маленькую бесѣдку, чтобы у меня былъ хорошій видъ на море. А кромѣ того, недурно было бы, если бы у насъ былъ свой музыкантъ, который игралъ бы намъ на контрабасѣ по вечерамъ. Потомъ надо будетъ еще завести свой собственный маленькій пароходъ, на которомъ можно было бы ѣздить въ церковь въ вѣтряную погоду.

— И только-то? Больше ничего? — спросилъ Лаксматте. И онъ исполнилъ все желанія

старухи. Красная скала Ахтола превратилась въ роскошную усадьбу, а сама Лаксмая стала такой важной барыней, что всѣ рыбки—уклейки и салаки не могли опомниться отъ изумленія. Даже Принца, и того кормили только телятиной и вафлями со сбитыми сливками, и онъ такъ разжирѣлъ, что походилъ больше на боченокъ изъ-подъ килекъ, нежели на собаку.

— Что же, довольна ты теперь?—спросилъ старикъ свою жену.

— Да, я была бы довольна, если бы у меня было тридцать коровъ. Для такого большого хозяйства это не лишнее.

— Иди къ колдуну,—сказалъ Лаксма тте.

Старуха отправилась въ море на своемъ пароходѣ и спѣла свою пѣсню морскому царю. На слѣдующее утро на берегу

острова стояло тридцать прекрасныхъ коровъ, и все онѣ сами заботились о своемъ кормѣ.

— Знаешь что, старикъ, — сказала Лакемая: — здѣсь становится слишкомъ тѣсно на этой жалкой маленькой скалѣ; я прямо не знаю, куда дѣвать всехъ моихъ коровъ.

— Право, не знаю, что тебѣ и посоветовать, — сказалъ старикъ: — тебѣ остается только вычерпать воду изъ моря.

— Глупости! Развѣ это возможно?

— Попробуй это сдѣлать при помощи своего новаго парохода, на немъ есть насосъ.

Лакемая поняла, что старикъ смѣется надъ ней, но все-таки ее новая затѣя не давала ей покоя. „Вычерпать воду изъ моря я не могу“, разсуждала она: „но, быть можетъ, можно заполнить море у береговъ острова и построить большую плотину? Можно будетъ навалить въ воду камней и песку, и тогда нашъ островъ увеличится вдвое“.

Старуха велѣла нагрузить свой новый пароходъ камнями и отправилась въ море. Музыкантъ былъ также на пароходѣ, и онъ такъ хорошо игралъ на контрабасѣ, что Ахти и Велламо и все русалки поднялись на поверхность воды и слушали прекрасную музыку.

— Что это такъ красиво сверкаетъ въ волнахъ?—спросила Лаксмая.

— Это морская пѣна блеститъ на солнцѣ,— отвѣтилъ музыкантъ.

— Выбрасывайте камни! — скомандовала Лаксмая.

Люди, сидѣвшіе на пароходѣ, стали бросать въ море камни. Камни полетѣли направо и налево и падали въ морскую пѣну. Одинъ камень попалъ въ носъ самой хорошенькой русалкѣ Велламо. Другой камень оцарапалъ щеку самой морской царицѣ. Третій камень упалъ со всѣмъ возлѣ головы морского царя и оторвалъ ему половину бороды. И вотъ въ морѣ поднялось нѣчто невообразимое: волны стали переливать другъ черезъ друга, какъ въ кипящемъ котлѣ.

— Откуда поднялся этотъ вѣтеръ? — спросила Лаксмая. Но не успѣла она получить отвѣта на свой вопросъ, какъ морская пучина разверзлась на подобіе щучьей пасти и поглотила весь пароходъ.

Лаксмая камнемъ пошла ко дну, но она изо всѣхъ силъ заработала руками и ногами и ей удалось, наконецъ, всплыть на поверхность воды, гдѣ она ухватилась за плывшій мимо нея контрабасъ, и поплыла

на немъ. Въ то же мгновеніе она увидала рядомъ съ собою страшную голову Ахти, который казался еще страшнѣе оттого, что у него осталась только половина бороды.

— Зачѣмъ ты швыряла въ меня камнями? — зарычалъ морской царь.

— Ахъ, ваша милость, — со вздохомъ сказала Лаксмая: — это случилось по недоразумѣнію. Натрите подбородокъ медвѣжьей помадкой, и борода снова отрастетъ.

— Старуха, развѣ не далъ я тебѣ все, что только ты у меня просила, и даже больше того?

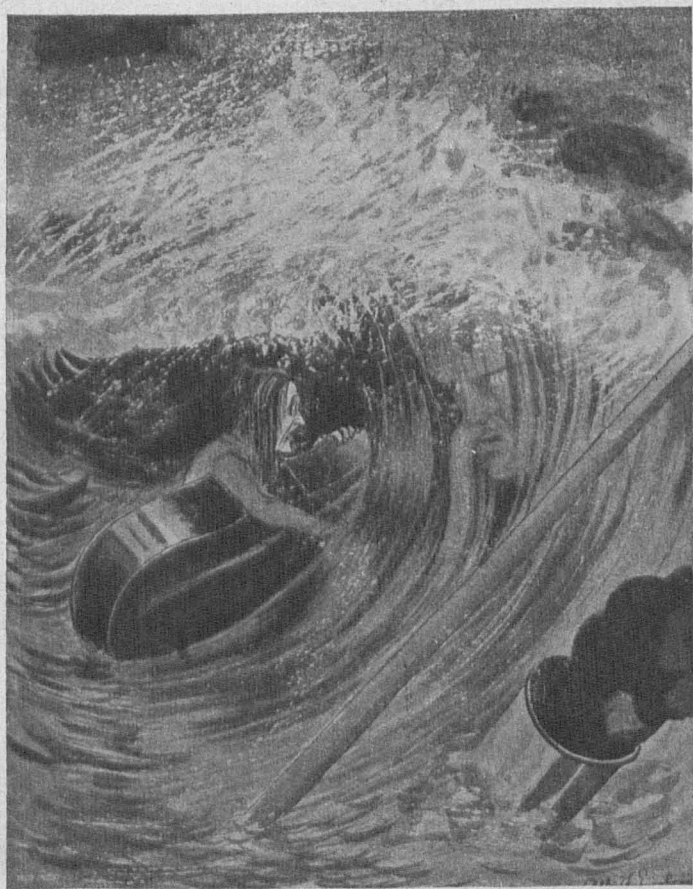
— Да, конечно, ваша милость. Большое вамъ спасибо за коровъ! Онѣ даютъ молоко, какъ настоящіе верблюды.

— Ну, а гдѣ же золото солнца и сіяніе луны, которыя ты хотѣла мнѣ дать?

— Ахъ, ваша милость, вѣдь солнце и луна свѣтили чуть не каждый день, когда не было пасмурно, — отвѣтила старуха дерзко.

— Вотъ подожди, я тебя проучу! — крикнулъ морской царь и далъ такого пинка по контрабасу, что онъ вылетѣлъ изъ воды вмѣстѣ со старухой и упалъ на красную скалу.

На скалистомъ островкѣ стоялъ Принцъ,

тощій и голодный, какъ и прежде, и глодалъ вороныи кости. Лаксатте сидѣлъ въ своей поношенной сѣрой курткѣ одинъ на крылечкѣ бѣдной, старой избушки и чинилъ неводъ.

— Это что такое!—удивился онъ. — Откуда ты это, матушка, прилетѣла, и почему ты такая мокрая?

Лаксмая въ изумленіи осматривалась кругомъ:

— Гдѣ нашъ двухъэтажный домъ?

— Какой домъ? — спросилъ удивленный старикъ.

— Нашъ большой домъ съ садомъ, слугами и служанками? Гдѣ тридцать коровъ, пароходъ и все остальное?

— Да ты бредишь, что ли, матушка?—сказалъ старикъ. — Студенты вкружили тебѣ голову своими рассказами, ты пѣла вечеромъ свои глупыя пѣсни и заснула только подъ утро. Ночью была буря, но теперь она успокоилась; я не хотѣлъ тебя будить и отправился въ море одинъ за сѣтями.

— Но я видѣла Ахти,—сказала Лаксмая.

— Ты лежала у себя въ постели, видѣла во снѣ великій вздоръ и спресонокъ бросилась въ воду.

— Но вотъ контрабасъ,—сказала Лаксмая.

— Нечего сказать, хорошъ контрабасъ! Развѣ ты не видишь, что это старое бревно. Нѣтъ, старуха, въ другой разъ ты не нарушишь святости субботняго вечера. Богъ не даетъ благословенія на рыбную ловлю въ воскресную ночь.

Оглавленіе.

	Стр.
Жемчужина Ададьмины	3
Милосердый—богаты	23
Береза и звѣздочка	35
Малиновый червякъ	53
Чти отца твоего и мать твою	67
Даръ морского царя	72

Библиотека нашихъ дѣтей.

Основана Е. В. Лавровой и Н. А. Поповымъ.

Иллюстрированныя книжки въ цвѣтныхъ обложкахъ.

-
- № 49. **Въ гору.** Исторія одной глухонѣмой дѣвочки. М. Пеньковой. Съ рис. Ж. Рейнъ. Изд. 3-е.—50 к.
- № 50. **Избранныя сказки.** В. Гауфа. Пер. съ нѣм. М. Орломиной. Изд. 2-е. Съ рис.—30 к.
- № 51. **Около желѣза и золота.** Очерки изъ жизни уральскихъ рабочихъ. Е. Гадмеръ. Съ рис. Изд. 2-е.—20 к.
- № 52. **Птицы небесныя.** Е. Гадмеръ.—20 к.
- № 53. **Разсказы о дикихъ животныхъ Россіи.** С. Поспѣлова. Книжка 2-я. Медвѣдь, Кротъ, Разбойникъ-Хорь, Бѣлякъ и Русакъ, Тюлень и Моржъ. Съ рисунками.—15 к.
- № 54. **Разсказы о дикихъ животныхъ Россіи.** С. Поспѣлова. Книжка 3-я. Китъ, Лисица, Мышь и Горностай, Барсукъ, Ежики. Съ рис.—15 к.
- № 55. **Сестра Вѣрочка.** Повѣсть для юношества. А. Ботромъ.—15 к.
- № 56. **Снѣжинки.** Разсказы для дѣтей. В. Мировичъ. Съ рис. Изд. 2-е.—30 к.
- Книжки №№ 49—56 допущены Учен. Ком. М. И. Просв. въ учен. библ. низшихъ училищъ.*
- № 57. **Малышъ.** Исторія одного ребенка. А. Додз. Перев. съ франц. А. А. Семеновой. Съ рис.—70 к.

- № 58. **Два брата.** Эркмана-Шатриана. Перев. съ франц. Е. А. Никольской. Съ 22 рис.—60 к.
- № 59. **Домъ лѣсного сторожа.** Повѣсть Эркмана-Шатриана. Перев. Е. А. Никольской. Съ 14 рис.—30 к.
- № 61. **Разказы изъ жизни животныхъ.** Э. Томпсонъ. Перев. съ англ. Е. В. Лавровой. Съ 5 рис.—25 к.
- № 62. **Ивашкевичъ, А. Побѣгъ.** Разказъ изъ жизни русскихъ дѣтей въ Маньчжуріи.—6 к.
- № 63. **Игнатьевъ, И. Ботаническіе очерки.** Книга I. Растенія-завоеватели. Съ 23 рис.—20 к.
- № 64. **Игнатьевъ, И. Ботаническіе очерки.** Книга II. Весенніе первенцы. Съ 23 рис.—20 к.
- № 65. **Измайловъ, В. Бѣглець.** Изъ уральскихъ разказовъ.—8 к.
- № 66. **Свифтъ, Д. Путешествіе Гулливера въ страну лиллипутовъ.** Переводъ М. Шишмаревой. Съ новыми рисунками.—25 к.
- № 67. **Сысоевъ, В. Сказки животныхъ.** I. Сказки звѣрей.—30 к.
- № 68. **Его-же. Сказки животныхъ.** II. Сказки птицъ и рыбъ.—25 к.
- № 69. **Тальботъ. Старшины Вильбайской школы.** Перев. съ англійскаго М. Шишмаревой. Съ 22 рисунками. Изданіе 2-е.—50 к.
- № 70. **Ульяновъ, А. Въ ученіи.** Разказъ. Изд. 2-е.—6 к.
- № 71. **Его-же. Въ акробаты.** Разказъ.—6 к.
- №№ 61—71 *допущены Учен. Ком. М. И. Пр. въ бібліотеки низшихъ училищъ.*
- № 72. **Андерсенъ. Избранныя сказки.** Книга I. Съ рисунками.—20 к.
-

2007082499

40к
„БИБЛИОТЕКА НАШИХЪ ДѢТЕЙ“.

ижи № № 70—84 Ученыхъ Комитетомъ М. Ж. П. допущены
въ ученич. библиотеки начальныхъ училищъ.

70. Ульяновъ, А. Въ ученьи. Разсказъ. Изд.
2-е. Ц. 6 к.
71. Ульяновъ, А. Въ акробаты. Разсказъ.
Ц. 6 к.
72. Андерсенъ. Избранныя сказки. Книга I.—
Царевна на горошинѣ.—Новое платье коро-
ля.—Дикіе лебеди.—Маргаритка.—Гречиха.—
Лизочка съ пальчикъ. Съ рисунками. Ц. 20 к.
73. Андерсенъ. Избранныя сказки. Книга II.—
Соловей. — Гадкій утенокъ. — Елочка. —
Мать.—Дѣвочка со спичками. Съ рисунками.
Ц. 20 к.
75. Топеліусъ. Избранныя сказки. Книжка II.—
Царевна Златолипка. — Сампо-Лапченокъ. —
Мирза и Мирьямъ. Съ рисунками. Ц. 20 к.

№ 74

Серія „РОДНЫЕ ПОЭТЫ“.

иллюстрированы художниками: М. Билибиной,
Чемберсъ, Пановымъ и др.

80. Стихотворенія А. Пушкина. Ц. 20 к.
81. Стихотворенія М. Лермонтова. Ц. 20 к.
82. Стихотворенія А. Толстого, А. Жемчужни-
кова, А. Майкова. Ц. 20 к. № 83. Стихотво-
ренія В. Жуковского. Книжка I. Ц. 20 к.
№ 84. Стихотворенія В. Жуковского. Книж-
ка II. Ц. 20 к. № 85. Стихотворенія Некра-
сова, Никитина и Сурикова. Ц. 20 к.

нижний магазинъ Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ
(С.-Петербургъ, Гороховая. 51)

ысылаетъ всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ.
аталогъ изданій высыл. по требов. бесплатно.

дѣленіе силада изданій О. Н. ПОПОВОЙ
ь Москвѣ: Остоженка, 1-й Ильинскій, д. № 8.

Ц. 20 к.